

ЛЮБИМЫЙ

ДЕТЕКТИВ

ЗАКОННИК

Семен Данилюк

Семён Александрович Данилюк

Законник

Серия «Любимый детектив»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48524549
Законник: Вече; Москва; 2019
ISBN 978-5-4484-8011-9

Аннотация

В книгу известного мастера детективного жанра Семена Александровича Данилюка вошли его новые произведения – роман и повесть. В романе «Законник» у обласканного властями ученого-правоведа погибает сын. Убитый горем отец впервые сталкивается с корыстностью милиции, некомпетентностью следствия, безразличием суда. Когда же в ходе частного расследования обнаруживается, что к убийству причастен высокопоставленный чиновник, объектом преследования становится сам неуступчивый ученый. В повести «Как умереть легко» бывший следователь, разбираясь в загадочном самоубийстве антиквара, выходит на хитроумно замаскированное преступление. А вот сумеет ли он добиться осуждения преступника, если в этом не заинтересованы власти предрержащие?

Содержание

Законник	5
Часть первая	5
1	6
2	45
3	52
4	66
5	97
6	114
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Семён Данилюк

Законник

© Данилюк С.А., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Законник

Роман

Служа закону, служу народу.

*Надпись на фронтоне Московского университета МВД
России*

Часть первая

30 ноября 2010 года, в двенадцатом часу ночи, к КПП элитного жилого комплекса «Товарищество достойных», в полукилометре от конечной станции метро «Лоськово», из лесного массива выбежал взъерошенный, вывалявшийся в грязи человек. С перекошенным от ужаса лицом он принялся что-то возбужденно выкрикивать, беспорядочно размахивая руками в сторону леса. Вдруг зашатался и рухнул перед шлагбаумом. Вызвали «скорую помощь». Не дожидаясь ее прибытия, охранники прошлись вдоль ограды и в трехстах метрах обнаружили еще одного, недвижно лежащего на скамейке мужчину. Одного в коме увезли в реанимацию. Другой умер еще до приезда врачей.

Ноябрьская пурга мела с отчаянной, молодой силой. То разжималась жалящей пружиной, подбивая под колени редких, укутанных в воротники прохожих. То завивалась в клубок, норовя затормозить трамваи, ползущие от Ленинградского шоссе вверх по улице Зои и Александра Космодемьянских.

Заметенный трамвай с цифрой «23» натужно взобрался на пригорок, остановился напротив могучего, обрамленного гранитом сталинского здания с золоченой надписью на фасаде – «Академия министерства внутренних дел России».

С подножки ловко соскочил крепкий мужчина в вязаной шапочке и курточке на синтепоне. Разыгравшаяся вьюга тотчас с разгону ударила его в неприкрытое лицо. Закрывшись рукавом, он налег грудью на густой воздух, энергично заработал ногами, будто попавший во встречный поток пловец, преодолел проезжую часть, добрался до дубовой, обитой позолотой входной двери и втиснулся внутрь.

Два постовых милиционера на проходной, за «рамкой», поежились от порыва ворвавшегося ветра. Дождались, пока вошедший ожесточенно ототрет щеки.

– Ваша фамилия? – старший наряда – прапорщик поднял с тумбы скрепленные листы.

– Стремянный. Но в списке искать бесполезно. Так что

даже не парьтесь. Просто хотел юбиляру подарок передать. – Стесняясь, мужчина достал из-за пазухи перетянутый георгиевской ленточкой пакетик. – Может, позвоните, чтоб кто-нибудь с кафедры спустился?

– Евгений... Геннадьевич? – Прапорщик поставил в списке галочку.

– Геннадьевич, – огорошено подтвердил Стремянный.

Прапорщик приветливо отстранился, пропуская гостя.

– Гардероб для приглашенных – справа. Торжественное собрание в актовом зале, – третий этаж по лестнице. Часа полтора как начали.

Он ткнул подбородком в сторону информационной доски, на которой поверх обычных объявлений о защитах диссертаций, заседаниях ученых советов и утерянных шарфиках был пришпилен набранный на компьютере плакат – «Академия МВД поздравляет Илью Викторовича Гулевского с пятидесятилетием. Чествование юбиляра состоится в четырнадцать часов 30 минут, в актовом зале».

Информация выделялась среди прочих не только красочностью оформления, но и скупостью, – ни званий, ни чинов.

Стремянный, согреваясь, прошелся по безлюдному вестибюлю. Обычно в это время все здесь было наполнено гомоном. Беспрестанно ухала тугая дверь со двора, – слушатели после занятий торопились успеть до закрытия столовой. Преподаватели, перед тем как разойтись по домам, уже одетые, обсуждали последние новости. Но сегодня даже книж-

ный киоск закрылся с обеда. А сувенирный ларек, похоже, и вовсе не открывался. Лишь из столовой доносилось ожесточенное звяканье посуды, – там готовились к банкету. Ни души. Разве что старушка гардеробщица, навалясь локтями на барьер, с сомнением рассматривала легкомысленную шапочку и линялую куртчонку запоздалого визитера. За спиной ее меж привычных милицейских и военных шинелей виднелись отороченные мехом кожаные пальто и – на специальных тремпелях – норковые женские шубки.

– На торжественное? – на всякий случай уточнила она, и лишь после этого неохотно втиснула куртяшку меж двух дубленок поплоче.

Стремянный оправил перед зеркалом джемпер в елочку, огладил жесткий, пошедший в седину ежик. Огорченно приметил ссутулившиеся плечи.

– М-да, – пожаловался он гардеробщице. – Прежняя гренадерская выправка дала усадку.

Гардеробщица сочувственно хмыкнула, – гренадер и ныне оставался вполне справным.

Со стороны внутреннего двора в одном кителе заскочил молоденький старший лейтенант милиции. Теребя подмороженное ухо, он подбежал к столовой, непонимающе подергал запертую дверь, глянул на доску объявлений и, спохватившись, задумался.

– Где народ, браток? – обратился к нему Стремянный.

– Как это? – не понял старлей. Ткнул в объявление: – Так

вот же.

– И что за гусь этот самый Гулевский, из-за которого все опустело?

Похоже, вопрос этот в стенах Академии выглядел бестактностью.

Старший лейтенант дико скосился, фыркнул уничижительно и, не ответив, припустил к лестнице.

По лицу Стремянного пробежал хулиганистый лучик, – по его мнению, розыгрыш удался.

Он двинулся следом за всполошным старлеем. Но тут на лестнице раздался мелкий дробот ног. Кто-то второпях, через ступеньку сыпал вниз.

Заслышали шаги и постовые на входе.

– Может, закончили? – предположил один.

– Как же, жди. Чтоб наши говоруны в полтора часа уложились... Должно, еще кого-то принесло, – определил старший наряда.

В вестибюль с озабоченным и несколько шалым лицом вывалился запыхавшийся подполковник внутренней службы – помощник начальника Академии Видный. На округлой, окаймленной ровеньким газончиком волос лысине блестели капельки пота.

– Подтянулись, прокуратура прибывает, – скомандовал он на ходу. – Поздновато сообщили. Так что с минуты на минуту. Быстро у входа поработали веничком, чтоб ни снежинки...

Парадная дверь распахнулась, удерживаемая услужливыми руками. В образовавшемся проеме появился человек в погонах генерал-полковника на запорошенной прокурорской шинели – заместитель Генерального прокурора России Валерий Георгиевич Толстых. Следом втиснулись два дородных полковника. Один – едва различимый за огромным букетом, руку другого оттягивал тяжеленный пакет.

Пройдя меж вытянувшихся постовых, генерал от прокуратуры оббил мокрый рукав.

– Ну и погодка, от машины всего-то десяток шагов, и – пожалте – готовый Дед Мороз, – вместо приветствия сообщил он Видному.

– Не опоздал, надеюсь?

– Почти нет. Велено раздеть вас в приемной.

– А чего Резун сам не встретил? – Толстых насупился. – Или как вторую звезду на погоны получил, заподло стало?

– Начальник Академии в президиуме, ведет торжественное заседание. – Видный аккуратной ладошкой смахнул снег со спины обидчивого прокурора; прихватив под локоток, повлек к лифту. – Остальные уже здесь: из Верховного Суда, из Минюста, ИГПАНа... Да все, считай, – оборвал он себя. – Наш замминистра и председатель правового комитета Госдумы с утра заезжали.

– Слышал, орденом наградили, – завистливо припомнил Толстых.

– Представили, – подправил Видный. – Подтверждение

еще вчера получили. Ждали, что подъедут из администрации – для официального вручения. Но перезвонили, – срочное совещание у президента. Так что официально вручат позднее, в Кремле.

– Я тоже не надолго, – слышав, что «кремлевских» не будет, Толстых заторопился. – У нас у самих коллегия идет. И то невиданное дело – Генеральный специально отпустил зачитать адрес. Все-таки, говорит, не кто-нибудь – Гулевский! – высокий гость ностальгически покачал залысой головой. – Сколько этот ваш Гулливер жил из меня вытянул, когда мы с ним нынешний УПК¹ создавали.

Видный поспешил спрятать усмешку. Таких создателей, как Толстых, числилось десятка полтора военных и гражданских генералов. Почитай, все высшее правовое начальство страны поспешило записаться в разработчики. Но ни для кого не было секретом, что реальными творцами блока российских уголовных законов были несколько видных ученых-правоведов. И прежде всего, конечно, Гулевский. Один из тех, кого за всеядность называли многостаночниками. С первых шагов в науке Гулевского в равной мере интересовали уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, азартно вгрызался он в проблемы криминологии и пенитенциарной политики. В каждой из этих специфических отраслей научные труды Гулевского значились среди основопола-

¹ Здесь и далее: УК – уголовный кодекс; УПК – Уголовно-процессуальный кодекс.

гающих.

– Руководство Следственного комитета, надеюсь, здесь? – вскользь поинтересовался зам Генерального.

Но эта небрежность не обманула опытного аппаратчика Видного.

– Нет. Единственно, адрес прислали. Должно быть, чем-то очень заняты, – подпустил он сарказма. И – попал в цвет.

– Ишь ты, адресом отделаешься! Уж эти-то могли бы найти время собственному крестному отцу поклониться. Сколько я доказывал, – нечего им такую власть давать. Так нет, послушались Гулевского – нужен-де независимый следственный орган. И вот, пожалуйста, без году неделю создали, и уже – родства не помнят. У высшего руководства прокуратуры время нашлось, даже коллегии прерываем. А эти независимые, заняты, видишь ли. Чем только? Можно подумать, хоть один паршивый теракт или «заказник» раскрыли. Недавно пригласил к себе на координационное совещание, так тоже времени не нашел.

Толстых натужно задышал. После выделения Следственного комитета в самостоятельный орган его зависимость от прокуратуры сильно уменьшилась. Зато с обеих сторон запыхали амбиции.

Видный, забежав вперед, распахнул перед прокурором дверь лифта, втиснулся следом. Грузенные подарками порученцы потрусили по лестнице. По пути обогнали Стремяного.

Деликатный Видный слукавил, – торжественная часть подходила к концу. Принялись потихоньку сворачиваться телевизионщики, – должно быть, тоже прослышали, что вручение ордена переносится.

Огромный, под стать концертному, актовый зал Академии, заполненный на две трети, устало дышал.

Стол президиума сегодня удлинители на всю ширину сцены. И все-таки мест для почетных гостей не хватило. Острая макушка притулившегося с краю ученого секретаря едва виднелась из-за стопки поздравительных адресов. Так что для заместителя Генпрокурора пришлось освобождать стул в центре, меж начальником Академии Резуном и юбиляром, – поджарым полковником с густо простроченными сединой волосами, барханами лежащими на голове, и двумя глубокими морщинами на лбу. Насмешливые сине-серые глаза из-под густых бровей, будто из амбразуры, выцеливали то членов президиума, то приглашенных гостей.

Толстых, поерзав, втиснулся. Пригнулся к Резуну.

– Всего на пятнадцать минут вырвался. Машина под парами. Так что объяви меня, – коротко бросил он. Всем крупным телом развернулся к герою торжества. Приобнял. – Поздравляю, кровопийца! Желаю сто лет. Но только чтоб от меня подальше. А то остатки крови выпустишь.

Гулевский с иронией прищурился, – дородному прокурору кровопускания явно не повредили бы.

– Бестактная ты все-таки язва, – хмыкнул Толстых. Зырк-

нул вдоль стола президиума, кому-то кивнул. Откликаясь на приглашающий жест Резуна, поднялся. Склонился к уху Гулевского: – Зря ты эту сходку затеял. Не монтируются Гулливеры в президиумы. Мельчают от славословий.

Отдуваясь, направился к трибуне.

Гулевский нахмурился, так что кожа натянулась на выступающих скулах, а морщины волнами загуляли по лбу. В сердцах потеревил переносицу. Удачно подковырнул злоязыкий прокурор. И впрямь меж сановных, оплавленных, будто догорающие свечи, лиц чувствовал он себя неуютно.

Особое положение Гулевского в научном мире определила черта характера, которую недоброжелатели называли упертостью. Убежденный в своей правоте, он двигался к поставленной цели, расчищая преграды и завалы с неотвратимостью шагающего экскаватора.

В начале девяностых с крахом Советского Союза началось повальное разграбление нажитого за годы советской власти. Безднадежно устаревший Уголовный кодекс, не ведающий понятия частной собственности, не мог служить хотя бы слабой преградой для перетекания денежных потоков в карманы нуворишей.

Тридцатилетний Гулевский принялся обивать пороги высоких инстанций, доказывая необходимость срочного реформирования уголовного закона.

Не по возрасту ретивому доценту разумно возражали, что в стране до сих пор не принят системообразующий, граждан-

ский кодекс. А значит, менять уголовное законодательство не пришло время, – не нанимают сторожа, пока не выстроят новое здание. «Но если не поставить охраны, то и здание никогда не достроят, – упорствовал Гулевский. – Разворуют прямо на стройплощадке. Вы что, хотите жить в бандитском государстве?» – напористо спрашивал он. Смущенные чиновники от ответа увиливали.

Гулевский настаивал, что вместо латания обветшавших кодексов необходимо разработать правовую концепцию и на ее основе создавать новое законодательство, в котором все отрасли права должны быть гармонично увязаны меж собой и способствовать торжеству гуманности и справедливости. Над наивностью его посмеивались. Но неутомимый правовед продолжал отстаивать идею на всех уровнях.

В конце концов, действуя, где напором, где сметкой, сумел пробиться на прием к Ельцину. Слова о торжестве гуманности в зарождающемся государстве президенту понравились. Правда, увесистую программу комплексного реформирования законов отложил не листая. Но – стремясь к невозможному, добьешься многого, – был дан зеленый свет подготовке нового Уголовного кодекса.

Собственно, с того момента и началась особенная слава Гулевского, выделившая его из общего ряда ученых. Имя его, и ранее известное на Западе, стало символом преобразований в российском законодательстве. И когда в начале двухтысячных настал черед обновления уголовно-процессу-

ального закона, вопрос о том, кто должен возглавить рабочую группу, даже не поднимался. Конечно, Гулевский.

Так что к своим пятидесяти, младенческим по меркам правовой науки, годам, обласканный властями Гулевский пришел остепененным и олауреаченным.

Предполагалось и присвоение редчайшего в правовой среде звания члена-корреспондента Академии наук. Но, по существующей иерархии, член-корр должен возглавлять видное научное учреждение. Назначение начальником Академии МВД напрашивалось. И тут непредсказуемый Гулевский заупрямился. Главным в его жизни оставалась наука, и все, что отвлекало от нее, в том числе карьерный рост, для него казалось помехой. Потому от назначения увильнул, а на высокую должность вместо себя протолкнул ученика – Валентина Резуна. Так и получилось, что юридический генералитет страны съехался на торжество скромного начальника кафедры.

Самодовольство первых минут и часов, когда поздравления только посыпались, схлынуло и сменилось сначала смущением, а затем и открытым раздражением.

В какой раз проклял Гулевский собственную бесхарактерность, когда позволил уломать себя на помпезное празднование. От пустопорожних, под копірку речей уже мутило.

К тому же во всем этом славословии, санкционированном на высшем уровне, было что-то искусственное, унижительное. Когда-то в запале объявили его ведущим юристом стра-

ны. И более это не обсуждалось, будто клеймо на быка поставили.

Меж тем в первых рядах собрались коллеги-ученые из крупнейших вузов и научно-исследовательских институтов. Среди них семидесяти-восьмидесятилетние старцы, по трудам которых молодой следователь, а позже – адъюнкт Гулевский постигал азы правовой науки. Пришел даже, несмотря на плохое самочувствие, учитель Гулевского, предшественник его на должности начальника кафедры, гордость отечественной криминологии Герман Эдуардович Машевич. И как-то им слушать осанну, воспеваемую пятидесятилетнему пацану.

Гулевский с тоской оглядел зал. Представил муки коллег, ропот слушателей, которых, скорее всего, принудительно согнали, чтобы заполнить пустующие ряды.

Заметил, что входные двери работают, будто сигнальный фонарик. Створки то приоткрывались, пропуская лучик света из фойе, то вновь запахивались. Это истомившиеся слушатели с задних рядов в полутьме ловко, один за другим, выскальзывали наружу.

Вот вновь мелькнула тень, на этот раз кто-то вошел. Гулевский пригляделся, и в груди его потеплело, – в дверном проеме подслеповато щурился со света Женька Стремянный. Ближайший, с юности, друг.

Сказать по правде, не верил, что придет, и в список приглашенных включил на всякий случай. В последние годы в

отношениях между обласканным властями ученым и отставником МВД образовалась трещинка. Начало ее в том, десятилетней давности дне, когда один из лучших сыскарей Петровки обнаружил, что группировку, которую он разрабатывал, крышует начальник «смежного» отдела угро. Стремянный потребовал арестовать «оборотня». Рапорт положили под сукно. В знак протеста тридцатипятилетний подполковник подал в отставку.

Тогда впервые меж друзьями произошла размолвка. Гулевский с горячностью настаивал, что в переходное время каждый честный штык на счету и сбежать из органов все равно, что оставить поле боя. Стремянный угрюмо отмалчивался. Но решения не изменил. С тех пор вступил в адвокатуру. Но главным образом активничал в ветеранских организациях, ходил на протестные собрания, подписывал какие-то воззвания. Гулевский полагал это блажью. Но времени посидеть, как прежде, за бутылкой, вникнуть в чужую боль у вечно занятого, нарасхват профессора совершенно не хватало. При очередном звонке Стремянного обещал непременно перезвонить. И всякий раз спохватывался, что не перезвонил. Звонки, впрочем, раздавались все реже. И все-таки сегодня пришел!

Но Стремянный как неожиданно появился, так же может и незаметно улизнуть. Недаром когда-то начинал с «топтунов»².

² Служба наружного наблюдения.

Гулевский взгляделся туда, где сидели члены его кафедры. Нашел глазами аспирантку Маргариту Зудину, движением подбородка показал ей на дверной проем. Та оглянулась, понятиливо кивнула, поднялась и, пригнувшись, чтобы не привлекать внимание, принялась пробираться к выходу. Впрочем, попытка не привлекать внимания была скорее данью вежливости. Как только красавица в ладном, узком на груди капитанском кителе появилась в проходе, добрая половина мужских глаз принялась сопровождать ее. Вот она добралась до Стремянного, шепнула что-то, подхватила под локоток и повлекла на свободные места. О Жене Стремянном можно было больше не беспокоиться.

Гулевский расслабился, даже благодушно скосился на трибуну. Но тут Толстых, войдя в раж, завернул что-то вовсе невообразимое, – назвал юбиляра симбиозом Кони и Плевако в одном лице.

Гулевский заметил, как недоуменно, будто при публичной непристойности, переглянулись гости в первых рядах, как Машевич, дотеле терпеливо сучавший, вздрогнул и прикрыл глаза пальцами.

Краска стыда залила лицо юбиляра. Он склонился к Резуну.

– Валя, давай заканчивать.

Округлая физиономия начальника Академии расплылась:

– Придется еще потерпеть, Илья Викторович. Никто не заставлял вас столько натворить за какие-то пятьдесят лет.

У меня обширный список записавшихся. Да я и сам еще не выступал.

Гулевский с силой придавил руку Резуна. Губы сжались в злую скобку.

– Пожалуйста, Валя! – процедил он. – Или сам поднимусь и прикрою эту лавочку! А если у тебя недержание речи, позизгаляешься на банкете.

– Ну, разве что – на банкете. – Резун выпростал запястье. Опасливо зыркнул на юбиляра, – он как никто знал взрывной характер своего бывшего научного руководителя.

В прошлом году Резун ездил на правовой симпозиум в ЮАР. И там, на сафари, впервые увидел на свободе носорога. Носорог мирно пасся, не обращая внимания на поковыскаивавших из джипа туристов. Резун, приготовив видеокамеру, решил подойти поближе. Но сопровождавший рейнджер ухватил его за руку и потянул назад.

– Шестьдесят метров, мистер! – для наглядности он провел сапогом черту. – Если больше шестидесяти, вы для него не существуете. Но шестьдесят – это его ареал. Как только зайдете на пятьдесят девять, развернется и – атакует. И тогда помощи всем нам Бог!

Резун долго соображал, кого же напоминает ему эта носорожья повадка. И – вспомнил: конечно же Гулевский! Один к одному. Такой же делано-спокойный, вальяжно-снисходительный, погруженный в себя барин. Пока кто-то, кто не догадывается, что перед ним носорог, не перейдет грань допу-

стимого. И тогда помоги ему Бог!

Через полчаса приглашенные переместились в столовую.

В перерыве Гулевский успел сменить форму на легонький черный джемперок и слаксы, в которых чувствовал себя по-настоящему свободным.

Героя торжества, как водится, посадили на возвышении, за отдельный, двухместный стол. Второе место обычно предназначалось для супруги (супруга) юбиляра. На сей раз на него водрузился начальник Академии. Никто не удивился.

Из семьи Гулевский ушел десять лет назад, оставив жене и пятнадцатилетнему сыну трехкомнатную квартиру.

Еще за неделю до ухода он и не помышлял о разрыве. Более того, воспринимал семью как некое привычное приложение к устоявшейся жизни, главное место в которой занимала его наука. Любовь к жене, если и была, давно утухла. Интересы, которыми жил он, жене были чужды. В свою очередь, для него были бесконечно далеки проблемы, что обсуждала она до ночи с телефонными подружками. По прошествии времени жена стала восприниматься им как иссиженное кресло. Ты раздался, кресло просело. Сидеть в нем уже неудобно. Но это не значит, что его следует выбросить. Достаточно завести новое, а это передвинуть на лоджию. Как у многих коллег, у него случались увлечения, – студентки и аспирантки сами искали флирта со знаменитым, к тому же обаятельным профессором. До серьезных отношений дело не доходило, – во всяком случае, так казалось Гулевскому. Но, ви-

димо, обидчивые женщины рассуждали иначе. В квартире, бывало, раздавались анонимные звонки. На упреки жены Гулевский вяло отшучивался, ссылаясь, как водится, на козни завистливых сослуживцев. И жену это – он видел – устраивало. Они оба привыкли жить во лжи. Выработали правила, приемы, с помощью которых сохранялась видимость семейного благополучия. Но однажды, забежав во внеурочный час домой, невольно подслушал телефонный разговор, из которого узнал, что у жены давно завелся любовник. И не просто любовник. Этот человек, похоже, любил ее и уговаривал уйти к нему. Жена неловко оправдывалась, ссылаясь на сына, для которого разрыв родителей станет шоком. Гулевский тихонько вышел из квартиры и долго бродил по Шаболовке, пытаясь разобраться в собственных чувствах. О том, что у жены может кто-то появиться, он догадывался. Несколько уязвило, пожалуй, что человека этого жена, судя по всему, полюбила. Но и только. До сих пор казалось невозможным оставить увядающую женщину, отдавшую ему лучшие годы. Поняв же, что нерешительность его не дает жене начать новую жизнь, разом успокоился. Заметил вдруг, что подрастающий сын смотрит на родителей с иронией. Обманчивой, иллюзорной цели, ради которой сохраняли они семью, оказывается, не существовало. Потому на очередной вопрос, не появился ли у него кто, утвердительно кивнул. Хотя даже не догадывался, о ком именно может идти речь. «Может, тогда честнее разойтись?» – растерялась жена. «Пожалуй», –

согласился он. На другой день утром, не дав себе передумать, ушел из дома. Ушел не как все – к кому-то. Сначала в никуда. Поселился на даче у друга, Евгения Стремянного. Рядом продавали участок. Занял денег, выкупил. Принялся обихаживать, поднял зимний домишко. Лишь много позже усилиями ученика – Резуна, назначенного начальником Академии, получил двухкомнатную квартиру на Войковской. Долгое время жил жизнью застарелого холостяка. На потуги супруги Стремянного, Ольги Тимофеевны, пытавшейся оженить его заново, отшучивался: «Конечно, женщина в доме нужна. Но кто сказал, что одна и та же»?

Среди прочих сошелся он со студенткой МГУ Маргаритой Зудиной, – читал у них курс лекций по уголовной политике.

Собственно, инициатива сближения, как чаще всего и бывало, исходила от девушки. После первой ночи, проснувшись наутро, увидел, что на кухне кипит работа, – гостья, напевая, мыла посуду и надраивала стенные шкафы. Раздраженный Гулевский поинтересовался, зачем она утруждает себя. Есть же приходящая домработница.

Маргарита, не возражая, быстро собралась и убежала на лекцию.

Они ходили на выставки, в театр. После ехали к нему. Оставалась на ночь, только если он предлагал. Если не предлагал, прощалась как ни в чем не бывало и уезжала в свою съемную квартиру на Теплом Стане.

Возле статной шатенки с сочными, беличьими глазами, вечно увивались бойкие юноши. Он не сомневался, что один из них – ее любовник. А значит, перспективы в их отношениях нет.

Боясь привязаться к Маргарите, Гулевский порой специально не звонил по две-три недели. Но когда внезапно звонил, даже к ночи, она все бросала и приезжала: свежая, мягкая, улыбчивая и – соскучившаяся.

Он выискивал в ее поведении корыстный мотив. Но не находил. Девочка была твердой отличницей, в преподавательской опеке не нуждалась.

– Зачем тебе нужен такой старый мухомор? – удивлялся он, слегка кокетничая.

– Если надоела, уйду, – отвечала она.

Слов любви она не произносила. Мужской опыт Гулевского свидетельствовал, что студентка может увлечься профессором. Но лишь увлечься. Надо только дать ей время одуматься.

Однако время шло. В поведении Маргариты ничто не менялось. А сам он все больше ощущал потребность в ее присутствии.

После защиты диплома Зудиной предложили аспирантуру в МГУ. Но, когда Гулевский позвал ее к себе, в Академию, Маргарита, не препираясь и не выставляя условий, забрала документы, надела погонны и стала адъюнктом кафедры уголовной политики. Адъюнктом настолько толковым,

что руководителю – Гулевскому оставалось лишь слегка подправлять подготовленные фрагменты диссертации.

Если в студенческом цветнике МГУ Маргарита была одним из многих ярких цветков, то в Академии рыжеволосая двадцатипятилетняя женщина в ловкой на ней форме привлекала всеобщее внимание. Особенно, конечно, мужское.

Но Зудина на удивление быстро отвалила ухажеров. Впрочем, это оказалось тем легче, что молва тут же связала ее с Гулевским. Резун, который тоже попробовал приударить за соблазнительной адъюнктшей, приватно поделился впечатлением: «Илья Викторович! Девочка-то, похоже, к вам прикипела. Завидую! Не упустите».

А риск упустить был. Один из доброхотов сообщил Гулевскому, что видел Маргариту на набережной, нежно мурлыкающей с неизвестным парнем. Впервые Гулевский позволил себе спросить ее прямо.

– Да! – подтвердила Маргарита. – Мой жених из Самары.

– Жених? – неприятно поразился Гулевский.

– Бывший. Все это время он ждал меня. И вот приехал спросить, как ему жить дальше.

– И что? – Голос Гулевского просел.

– Я же здесь.

– Это что-то значит?

– Ты все-таки глупый, – убедилась Маргарита. – Прекрати наконец себя дергать. Я не умею жить сразу с двумя. Если уйду, то уйду.

Это было сказано столь безыскусно, что Гулевский тут же предложил Маргарите переехать к нему. Та пожала плечами: «Вся Академия знает, что я и так безотказно твоя. Но если начнем сожительствовать открыто, пойдут пересуды. Ляжет тень на твою репутацию. Нам ведь и так хорошо. Правда, милый?»

Но с этого момента это стало неправдой. Теперь уже Гулевскому захотелось изменить двусмысленные отношения. Месяц назад в ресторане, где они вдвоем отмечали пятилетний юбилей знакомства, он предложил Маргарите стать его женой. Маргарита, не ответив, прильнула.

– Так что скажешь? – туповато переспросил Гулевский. Она подняла лицо, и он прочитал ответ. И все-таки оформить брак официально и переехать к нему согласилась только в конце марта – после ее защиты.

– Не хочу, чтоб за спиной злословили, будто вышла замуж, чтоб получить степень, – выставила условие Маргарита.

Вот и на банкете она категорически отказалась сесть с ним рядом. «Это пятнышко. Тебе его не надо».

Гулевскому осталось лишь развести руками, – кажется, она блюла его репутацию куда ревностней, чем он сам.

Сейчас королева Марго сидела среди членов кафедры, рядом с бессменной секретаршей Арлеттой и бок о бок с Евгением Стремянным, перешучивалась с млеющими от ее внимания мужчинами и улыбалась мягкой, обращенной в себя улыбкой.

Начальник Академии поднялся, принял из рук Видного микрофон, торжественно постучал ножом по фужеру.

Гудящие столы выжидательно притихли.

– Знаете ли вы, кто это? – спросил Резун, развернув ладонь к юбиляру. – Вы думаете, перед вами крупнейший ученый, слава отечественной правовой науки?

– Именно так и думаем! – выкрикнул нетерпеливый голос.

– И вы не ошибаетесь, – подтвердил Резун. – Но вы и ошибаетесь!

Бывалый, тертый тамада, Резун выдержал вкусную, интригующую паузу.

– Потому что перед нами не просто ученый, а – Гулливер! И добрая половина здесь сидящих – это птенцы гнезда Гулливерова! Да что говорить? Моя собственная судьба состоялась благодаря Илье Викторовичу...

Славословия возобновились.

Стол составили столь плотно, что продраться к центральному, юбилейному столику было крайне трудно. Поэтому Гулевский по своему обыкновению сорвал разработанный сценарий. Сам ходил меж рядов и, прежде чем передать микрофон, произносил вступительное слово о выступающем. Так что получалось два тоста: один – юбиляру, второй – шутливое алаверды от юбиляра. Обстановка сделалась непринужденной. Все громче позвякивали вилки и рюмки. Выступления глушились выкриками с мест.

И все явственней над праздничными столами довлел гу-

стой баритон подвыпившего Стремянного. Он уже освоился в непривычном окружении и принялся сыпать вокруг двусмысленными своими прибаутками, хохмачками, анекдотцами, особенно обаяя заместителя начальника кафедры – сдобную Катю Потапенко.

Гулевский с любопытством разглядывал друга и невольно сравнивал его с тем двадцатидвухлетним «афганцем» – орденоносцем с персиковым румянцем и гвардейской выправкой, каким предстал впервые перед следователем по особо важным делам Гулевским. Ныне атлетическая фигура раздобрела, ежик пошел в обильную седину, нежная прежде кожа огрубела и набрякла. И все-таки в минуты веселья пробуждался в Стремянном прежний гусар и бабник.

Гулевский склонился к Резуну:

– Валя, объявляй перерыв, а после – музыка, танцы.

Резун, переглядывавшийся с новенькой библиотечкашей из спецхранилища, охотно промокнул губы салфеткой, отложил вилку. Гулевский придержал его.

– Только предоставь последнее слово, – он кивнул на угол, откуда беспрестанно доносилось Катино хихиканье, – Евгений Стремянный шел на приступ.

Резун требовательно постучал ножом по фужеру. Добился тишины.

– По предложению юбиляра, заканчиваем с прениями, – объявил он под одобрителный гул большинства.

– Последнее слово предоставляется... – Резун выдержал

интригующую паузу. – Старому сослуживцу Ильи Викторovichа (он пригнулся к Гулевскому) Евгению Стремянному!

Люди в рядах недоуменно закрутили головами. Раскрасневшаяся Потапенко сконфуженно отодвинулась от притершегося к ней ухажера, кивнула ему на Гулевского.

Стремянный, оказавшийся вдруг в центре внимания, поначалу смешался, но, подначиваемый насмешливой улыбочкой Гулевского, поднялся.

– Что ж, скажу, – принял он вызов. – Я хочу выпить за лучшего следователя, какого знал. У которого начал службу пацаном в оперативно-следственной группе. Вот вы рассуждаете о школе Гулевского. А я другую школу у него прошел – сыскную. Он приучил меня работать без халтуры, каждый эпизод обсасывать, как мозговую косточку. А главное, быть верным выбранному делу. Жить им. И ведь как жили! – Стремянный ностальгически почмокал губами. – Среди ночи, бывало, звонил Илюха с новой, невесть откуда пришедшей идеей. И все – сна нет. Торопишь рассвет. Едва забрезжило – ты уж мчишься впереди собственного визга отрабатывать очередную версию... Ну, само собой, ночами не только версии разрабатывали. На другое всяко-разное время тоже находили, – намекнул при общем оживлении Стремянный. – Потому как самому важняку было в ту пору всего-ничего – двадцать шесть. После работал со многими следователями и прокурорами. И как опер, и как начальник угрозыска. Но уже не они меня – я их учил тому, что перенял у

первого моего учителя. И мне горько, что борьба с преступностью потеряла следователя Гулевского.

Стремянный сбился.

– Потеряла лишь практика, – снисходительно подправил Резун. – Зато большая наука обрела крупного ученого.

По сути, Резун подсказал концовку тоста. Он даже рюмку приподнял. Но Стремянный продолжал хмуриться.

– Что нашла наука, мне снизу не видно, – он упрямо огладил ежик. – А вот то, что такие люди, как Гулевский, покинули окопы, мне грустно. Потому что те, кто их сменил, открыли фронт врагу. Может, из-за этого и сложился беспредел, в котором существуем... Засим!

Он лихо, по-гусарски отставил локоток и махом опрокинул стопку.

Объявили перерыв. Гулевскому хотелось переговорить со Стремянным, прежде чем тот по своему обыкновению ушмыгнет. Но пробиться сквозь множество людей, желающих пообщаться приватно, оказалось непросто.

Лишь через десять минут Гулевский выбрался в вестибюль, почти без надежды застать товарища, и там обнаружил Женьку в обществе умненькой Зудиной. Маргарита, слегка откинувшись, сидела на пустом книжном прилавке и увлеченно слушала нависшего над ней Стремянного.

Когда подошел Гулевский, она соскочила на пол.

– Докладываю: пытался сбежать, но был задержан. Кстати, Илья Викторович, как ты рядом с ним за столько лет от

хохота не умер? Это ж ходячее собрание прибауток... Все, мальчики, оставляю.

Маргарита не сделала и пяти шагов, как ее затащили в первую же сбившуюся мужскую компанию.

Гулевский вопросительно глянул на Стремянного. Они так давно знали друг друга, что зачастую слова оказывались лишними.

– Девка-то хорошая, – протянул тот. Гулевский расслышал: она-то хороша и надежна. А вот каков ты сам?

Чуткий Стремянный уловил сомнение, что жило в Гулевском.

Не раз спрашивал он себя: «Любишь ли ты эту девочку так, как она того заслуживает? Или прикипел к молодому, отзывчивому телу и боишься потерять? А может, просто утратил прежнюю способность влюбляться страстно, до исступления? Остыли чувства. Как борщ, который в юности любил горячим, а ныне предпочитает хлебать тепленьким. Впрочем, если быть до конца честным, колотило у него в висках только от одной женщины. Но в ту далекую пору он сам был юн, и чувства были юны. Перед Гулевским вдруг всплыло хохочущее личико Беаты Дымниц. Аж головой встряхнул от внезапного наваждения.

– Какой же ты молодец, что пришел! – Гулевский охватил друга за плечи. – Без тебя, черта, перца не хватает. Как Оля?

– Обидный вопрос! С таким-то мужем! – Стремянный выпятил губы, как делал всякий раз, когда переходил на осо-

бую, ерническую интонацию.

– Все еще завтрапией в госпитале?

– Да, – подтвердил Стремянный. – Правда, полставки сократили. Так что больше на мне тренируется. Дня не проходит, чтоб не обнаружила какую-нибудь очередную язву. А то и хлеще. Зарядку делаю с круговыми вращениями. Перекрутился, слегка повело. Все! Налицо нарушение мозгового кровообращения. И рецептик тут как тут: сиди безвылазно дома. Но я ей на это возразил, что, видно, уже не хватает квалификации поставить правильный диагноз. Придется менять на молоденьких медичек – со свежими знаниями.

Гулевский расхохотался.

– Ох и намучилась с тобой, паразитом, Ольга! Сам-то как адвокатствуешь?

– Терпимо. – Женя поскучнел.

Репутация у адвоката Стремянного сложилась своеобразная. Адвокат, как известно, обязан придерживаться позиции, занятой подзащитным. И если подзащитный в самом деле был невиновен, не было для него более надежной опоры, чем Стремянный. Но стоило Женьке заподозрить, что клиент изворачивается, он сначала «колол» его, склоняя к даче признательных показаний, а затем использовал малейшую зацепку в суде, чтоб добиться смягчения наказания. Так что истинно невиновные тянулись к Стремянному, «лукавые» шарахались. Впрочем, в последние годы его стали избегать и те и другие. В цену все больше входили хваткие адво-

каты-решалы, умеющие «заинтересовать» следователя, «занести» судье. Стремянный среди них ощущал себя мамонтом.

– Может, тебе в розыск вернуться? – предложил Гулевский, убежденный, что причина Женькиной меланхолии в профессиональной нереализованности. – Десять лет прошло, а гляжу на тебя и вижу – до сих пор весь там. Давай звякну начальнику ГУВД. Наверняка с радостью возьмут. Такие опера, как ты, во все времена по тройской унции.

– Там да не там. И не во все времена...

– Во все времена человек должен делать то, для чего предназначен! – с привычной безапелляционностью рубанул Гулевский. – Ты вот меня подковырнул, будто сбежал со следствия. А я свою нынешнюю пользу вижу в том, чтоб способствовать улучшению законов в стране.

На лице Стремянного промелькнула горькая усмешка.

– С чем не согласен? Говори прямо, – потребовал Гулевский.

Стремянный поколебался, решаясь.

– Прямо так прямо. Послушал я сегодня ваши славословия. Сидите тут, в хрустальных замках. – Он повел вдоль обшитых дубом стен. Хмыкнул. – Законы они вершат. Для кого только? Ты, конечно, извини, но в форточку хоть иногда выглядываешь?..

Он заметил, как сошлись в злую скобку губы, как заиграли в преддверии взрыва желваки. Увы! По наблюдениям Стре-

мянного, слава подпортила доброго товарища, добавила ему черту, прежде несвойственную, – нетерпимость к возражениям.

– Лучше скажи, почему среди гостей Котьку не вижу? – поспешил он перевести разговор.

Гулевский нахмурился. Простой вроде вопрос был с подковырцей. Уж кто-кто, а Стремянный хорошо знал историю разрыва между отцом и сыном. Доверительные отношения меж ними разрушились через полгода после того, как Гулевский ушел из дома. От директора колледжа узнал, что Константин под отцовское имя занял крупную сумму. Состоялся разговор. Костя попытался оправдаться. Рассвирепевший Гулевский, оборвав сына, потребовал впредь не позорить его фамилию.

– Что ж, не буду, – угрюмо пообещал тот. По достижении шестнадцати лет Костя вписал в паспорт материнскую фамилию – Погожев.

С тех пор отец и сын общались больше по телефону. Виделись урывками. Костя, казалось, стал жить по лекалам, скроенным матерью. Вместе выбрали вуз по проходимее. Занятия не посещал. Когда подходила очередная сессия, мать шла к декану, доставала из сумочки деньги и – решала вопрос.

Такое образование Гулевский определил как заушное.

Как-то при встрече сын с энтузиазмом поделился, что поступил во второй вуз, на юридический.

– Деньги-то у мамочки не иссякли? – насмешничал Гулевский.

Котька померк, поджал губы и в дальнейшем на вопросы об учебе отвечал в тон: числюсь.

– Черт тебя знает, Илья Викторович. – Стремянный озадаченно повел могучей шеей. – Разве так с собственным сыном можно? Знаешь хоть, что он три года как второй ВУЗ закончил?

– Наверняка опять дипломчик купленный.

Стремянный с ожесточением потер ежик.

– Вот и видно, что где-то дали необъятные провидишь, а где-то, будто крот слепой. Зациклился на том, что десять лет назад запомнил. Да и тогда-то!.. Ведь до сих пор не знаешь, что деньги те Котька для своей девочки занял – на срочную операцию. А потом подрабатывал, отдавал.

– Чего ж сам не сказал? – Гулевский смущенно наморщился.

– А как он тебе, зашоренному, скажет, если ты с ходу блажить начинал?! И вообще люди, знаешь, имеют свойство меняться. Котька твой серьезным парнем стал. Юрфак с красным дипломом закончил, на работе на хорошем счету, девчонка чудесная, со школы вместе. Бывшая твоя сожительница их не одобрила. Так ушел из дома. Квартирку снимают... Да что я тебе живописую? На вот, приглашение на свадьбу.

Он выудил из заднего кармана брюк примятый конверт,

всунул Гулевскому.

– Женится твой сын!.. И вообще не дело это, когда отцу такие приглашения через чужих передают! – в сердцах бухнул он. – Как хошь, но не дело.

Гулевский озадаченно повертел приглашение.

– Ты-то откуда все знаешь?

– А он со мной охотно контактит! И знаешь, почему? – с вызовом произнес Стремянный. – Я ему о папеньке рассказываю. Должен же сын хоть от кого-то об отце узнавать!

– Конечно, должен. – Гулевский потрепал друга по литому плечу. – Может, и впрямь случаются чудеса. Завел парень семью, появилось, за кого отвечать. Повзрослел.

В самом деле: устоявшиеся представления Гулевского о сыне как о скользящем по жизни ловкаче, все менее сходились с тем, что узнавал в последнее время. Он шутливо подтолкнул смурного друга:

– Ладно. Не куксись. На свадьбе-то хоть гульнем как прежде?

– А то. – Стремянный приосанился. – Опять же девочки молоденькие будут. Я уж Котьку предупредил, чтоб свидетельницу под меня приискать. Таковую, знаешь...

Он разыскал взглядом Маргариту.

– Или похожую...

– И как такого охламона Ольга терпит? – поддел Гулевский.

– Каков ни муж, а все оградка, – прибаутки высказыва-

ли из Стремянного, будто пули из автомата Калашникова, – кучно и по месту.

– Потом она как врач должна понимать, – в моем возрасте вредно отказываться от старых привычек.

В вестибюле возникло оживление. Выскочившие уборщицы принялись энергично орудовать влажными швабрами, освежая паркет. Пробежал всполошенный Видный.

– Опять что-то затевается, – забеспокоился Гулевский.

Стремянный поспешно залез в карман рубахи под джемпером.

– Вот еще что. На днях у нас Совет ветеранов состоялся.

Он выудил коробочку, из которой достал эмалированный «Знак почета ветеранов МВД».

– Старые сослуживцы поручили вручить. Это не всем такая честь. Каждая кандидатура обсуждалась до драки. У нас насчет того, кто достоин, строго. Собственно, с этим и шел...

Гулевский с надлежащим благолепием принял дар, раздвинул пятерню для благодарственного рукопожатия, но пожать руку не успел, – на них стремительно надвинулся раскрасневшийся Резун, успевший переодеться в парадный генеральский мундир.

– Настает пора истинных наград. – Он вскользь оценил значок на ладони Гулевского. – Замглавы администрации президента подъезжает. Решили-таки вручить не откладывая. Вот где честь-то. Пойдем, Илья Викторович, встречать.

Резун энергично ухватил Гулевского под локоть и по-

влек к центральному входу, возле которого Видный выстроил для инструктажа дежурный наряд. Гулевский со страдающим выражением на лице обернулся к товарищу.

Стремянный понимающе кивнул и двинулся к гардеробу, – еще со времен службы оказаться без нужды вблизи руководства считал скверной приметой.

Слух о приезде высокого лица уже просочился. Гостей из столовой переместили в Малый актовый зал, на вручение.

Видный, накинув шинель, выскочил встречать на улицу.

У входа началось шебуршение. Вбежал, оглядываясь назад и дыша паром, Видный. Перед «рамкой» шагнул в сторону и вытянулся.

Следом появилась рослая фигура заместителя министра внутренних дел. Движением кисти отодвинув Видного, он занял его место у рамки, и – будто сделался ниже ростом.

Возникший из пара худенький, раскрасневшийся человек, на ходу протирая запотевшие очки, стремительно, головой вперед, проскочил «рамку» и наверняка воткнулся бы в Резуна, если бы тот сноровисто не отступил в сторону.

Стекла очков очистились, заместитель главы Администрации Президента Юрий Михайлович Судин проморгался, закрутил головой. Резун неверными движениями одернул мундир, вытянулся, готовясь отдать рапорт. Но Судин нашел того, кого искал, – Гулевского.

– Здравствуйте, здравствуйте, дорогой юбиляр, – он по-свойски обхватил его за плечи. С начальственной добросер-

дечностью всмотрелся. – Больше десяти лет не виделась. Зато теперь – рад случаю... А, пожалуй, ты постарел.

– Все мы не молодеем, – Гулевский аккуратно высвободился из покровительственных объятий, в свою очередь, до неприличия пристально оглядел низкорослого зама главы Администрации.

Судин необидчиво рассмеялся.

– Это я к тому, что сыны наши на глазах мужают, – пояснил он. – Как там у классика? Нам время тлеть, а им цвести.

Впрочем, вид у заместителя главы Администрации был совершенно цветущий. Щеки алели подмороженными яблочками.

– За парней наших особо рад, – сообщил он. – Самая реальная дружба – та, что с одной парты. Как сдружились в колледже, так и продолжают друг о дружку тереться. То, что они оба при мне, знаешь, конечно. В одном холдинге числятся. Твой, к примеру, юрист.

– Юриштишка, должно быть, так себе, – буркнул Гулевский.

– Вот тебе раз! – удивился Судин. – Хороший юрист, могу заверить! Куда толковей моего оболтуса оказался. В компании ценят. На днях на начальника юротдела выдвинули. Я, как понимаешь, одобрил. Да! Когда-то ты за ними приглядывал. Ныне пришла моя пора. – Судин добавил в интонацию интиминки.

Познакомились они в начале девяностых на родительском

собрании. Гулевские снимали квартиру рядом с колледжем, и Котька то и дело притаскивал к себе приятелей, – обедали, готовили уроки, осваивали компьютерные игры. Чаще других бывал рыжий, шумный пацан – Кешка Судин.

На собрании Кешка подтащил за руку сублильного мужчину – своего отца.

– Спасибо, что за сыном приглядываете, – стесняясь, поблагодарил тот. – Я-то все на работе.

Но, конечно, не об этой услуге припомнил замглавы Администрации, когда, вручая орден «За заслуги перед Отечеством четвертой степени», вновь шепнул так, чтоб не слышали другие: «Долг платежом красен».

Истинное их знакомство состоялось в конце девяностых.

Как-то к профессору Гулевскому ворвался докторант Резун и с возмущенным видом впечатал перед ним автореферат кандидатской диссертации по административному праву, обнаруженный им в Ленинской библиотеке.

– Смотрите, что суки делают! – он раскрыл испещренную красным карандашом страницу. – Слово в слово!

Гулевский перелистал текст.

За месяц до того он передал в ведомственный сборник статью «О разграничении общественной опасности как уголовно-правовой и процессуальной категории».

В автореферате, что притащил Резун, дословно воспроизводился текст статьи.

– Ведь у них, гадов, какой расчет! – продолжал кипеть Ре-

зун. – Защита этой лажи, – он прихлопнул автореферат, – в Академии правосудия через две недели. А статья, дай бог, через пару месяцев появится. Да еще в каком-то затрапезном сборнике. Кто о ней вспомнит?.. Хоть бы своими словами потрудились переписать! Так нет, им даже это заподло!

– Им? – Гулевский открыл титульный лист. Соискатель – Ю.М. Судин.

Он озадаченно потеревил переносицу.

– Госдумовец, фракция «Демократическая Россия», – пыхтя над плечом шефа, пояснил Резун. – Порасплодились ученые на нашу голову!

В самом деле, в девяностых пришедшая во власть новая элита торопилась самоутвердиться. Возникло множество самопальных Академий и, соответственно, – академиком. Впрочем, цену липовым званиям поняли быстро. Возрос спрос на истинные ученые степени. А где спрос, там и предложение. Появился новый бизнес – «написание диссертаций». Ученые, еще недавно брезгливо морщившиеся при слове «плагиат», за мзду принялись стряпать кандидатские и докторские диссертации для «новых русских».

Установились расценки. Если соискатель пытался писать сам и требовалось лишь править и направлять его, – расценки были одни. Если к написанию диссертации он не прикладывал руку, но добросовестно вникал в содержание и на защите был способен внятно защитить выдвинутые положения, – цена повыше. Если ж приходилось писать за олуха и

статьи, и саму диссертацию, да еще и обрабатывать коллег по ученому совету, ставка, само собой, была наивысшей. Профессору с месячным окладом в 300 долларов предлагалось за написание докторской диссертации тридцать – пятьдесят тысяч. Таких деньжищ не держал в руках отродясь. И что могло остановить его? Нищая научная среда быстро и охотно развратилась.

Обо всем этом Гулевский хорошо знал. Как мог, противодействовал, хоть выглядело это борьбой с ветряными мельницами. Но все-таки со столь неприкрытым плагиатом столкнулся впервые.

– Как хотите, шеф, спускать нельзя. – Резун не унимался. – Коль вам заподло, я сам поеду в ВАК и подниму бучу. Надо притормозить беспредел. Если уж у самого Гулевского воровать не гнушаются, то с остальными и вовсе считаться не станут.

Гулевский написал заявление и через Резуна передал в Высшую аттестационную комиссию.

Через пару дней, тихим весенним вечером, когда Академия уже опустела, дверь в кабинет Гулевского будто сама собой приоткрылась, и в образовавшуюся щелку просочился шуплый человек, в котором Гулевский с нехорошим чувством узнал Юрия Судина.

Недобро сощурился.

– Дверь запирается? – вместо приветствия произнес мертво-бледный Судин. Поковырялся в замке, подергал и –

без паузы бухнулся на колени. От неожиданности Гулевский вскочил на ноги.

– Только сегодня узнал, – невнятно пробормотал нежданный визитер. – Так подставить, так подставить! Поклялись, что будут сами писать! Я ж порядочный человек. Если б только догадывался, что плагиаторами окажутся, да разве ж связался!.. Тем более, нашли, у кого воровать, засранцы!

Он вскинул пытливый взгляд. Повинуясь брезгливому жесту Гулевского, поднялся, отряхнул колени.

– Не верите, – определил он безнадежно. – Если не поверите, всему конец.

– Зачем вам это понадобилось? – сухо спросил Гулевский.

– Что?.. А! Понимаете, я в Госдуме от «Демроссии». Освобождается правовой комитет. Ну, наши меня двинули. Но там, чтоб возглавить, нужна степень. Сказали, все так делают. На надежных вроде людей вывели. Оказалось, – негодяи. Так подставить!

Он остервенело постучал себя кулаком по лбу. Со смятенным видом рухнул на свободный стул.

– Да что я? Если об этой истории пронюхают коммуняки, заплюют все демдвижение. А отложить защиту – значит, отдадим коммунистам ключевой комитет. Вот ведь какова диспозиция.

– Раз уж о диспозиции соизволили упомянуть... – в глазах Гулевского забегали злые искорки. – Ответьте, разлюбезный диссертант, по каким признакам вы разграничиваете обще-

ственную опасность и общественный вред при административных проступках?

– Что? – Судин опешил. Разглядел насмешку. – Да понятия не имею. Собирался за неделю до защиты проштудировать. И тут такое! В ВАКе сказали, если до завтра не улажу...

Он взрыднул. По впалым щекам потекли слезы:

– Илья Викторович, дорогой, вы ж – талантище. Идеи, как сеятель из лукошка, горстями разбрасываете; другие подбирают и всю жизнь кормятся. Что вам от одной-двух лишних? Отступитесь. Дружбой детей прошу. Не за себя. За общее дело. Ведь по большому счету оба мы России служим. Не враг же вы демократии.

Врагом демократии Гулевский не был. И историю, хоть и скребло на душе, замял.

Больше они не встречались. Хотя за карьерой Судина Гулевский следил. Это было нетрудно. В двухтысячных видный «правый», он демонстративно перешагнул из одной «России» в другую. Из «Демократической» в «Единую». То есть как сам публично ответил злопыхателям.

– России остался верен. За что оказался обласкан новой властью на должности заместителя главы президентской администрации. А в 2008-м со сменой президента сохранил пост как знак преемственности.

После вручения награды заместитель главы администрации со свитой отбыл. Празднование же, в которое плеснули топлива, продолжилось с новой силой.

К Гулевскому подошла Маргарита. Разметавшиеся волосы прилипли ко лбу.

– Что-то меня кружит. И вообще хочу в постель.

Вопреки привычной осторожности, она припала к Гулевскому.

– Люблю менять любовников, – с пьяным бесстыдством объяснилась она. По остолбенелому виду Гулевского убедилась, что эффект состоялся. Принялась загибать пальцы. – Гляди сам. С полковником милиции спала, с доктором наук спала, с заслуженным ученым тоже спала. Даже с почетным профессором Эдинбургского университета переспала! Теперь хочу орденосца. Имею право?

Вечер заканчивали без юбиляра.

2

Приезжать в этот день в Академию Гулевский не планировал. Но с вечера ему позвонил Машевич и попросил о встрече – для конфиденциального, как выразился, разговора. В последние годы один из основоположников советской криминологии часто болел и резко сократил преподавательскую нагрузку. Отрабатывать за него учебные часы приходилось другим. Гулевский опасался, что щепетильный профессор надумал подать в отставку.

Кабинет начальника кафедры уголовной политики напоминал музей. Застекленные шкафы были забиты диплома-

ми, аттестатами, подарочными статуэтками, поздравительными адресами. На стенах развешены фотографии виднейших представителей кафедры, с датами рождения и смерти. Единственный, без траурной даты портрет профессора Машевича начала девяностых, висел точнехонько напротив двери.

Когда Гулевский вошел, в его кресле, под портретом, расположился грузный, одутловатый человек с крупной, морщинистой лысиной. Сдвинув на лоб круглые очки и близоручко щурясь, он вчитывался в брошенный на столе проект закона о полиции. Гулевский скользнул взглядом по моложавому лицу на портрете и сдержал невольный вздох: за прошедшее двадцатилетие Герман Эдуардович Машевич сильно сдал.

При виде хозяина кабинета Машевич обозначил движение подняться, но Гулевский сконфуженным жестом остановил его. Уселся на ближайший стул.

– Как здоровье уважаемого мэтра? – бодренько произнес он.

Машевич натянул очки на слезящиеся, выпученные глаза.

– По возрасту, – в голосе его за бесстрастной интонацией промелькнула знакомая ирония.

– Очень хорошо, что зашли. Надо подписать переаттестацию, – вроде только что припомнил Гулевский. – Арлетта уже напечатала. Осталась ваша подпись.

Он потянулся к звонку.

– Не будет переаттестации, – остановил Машевич. – Ухожу. Хватит за чужой счет числиться.

Этого Гулевский и боялся.

– Резун успел обработать?! – неприязненно бухнул он. Начальник Академии не раз намекал, что Машевича пора проводить на отдых.

– Н-нет, – отказался Машевич. Увидел, что невольной заминкой проговорился. – То есть не это главное. Зрело.

Умные, изуродованные базедовой болезнью глаза его уткнулись в Гулевского:

– Не хочу быть причастным.

Это был не первый их подобный разговор, и с каждым разом все более расходились позиции. Нынешняя фраза прозвучала обвинением.

– Договаривайте, Герман Эдуардович, – потребовал Гулевский. Заметил, что старик колеблется. – Коль начали, давайте расставим, так сказать, точки! Юбилейное славословие, должно быть, покорило?

– То пустое. Надеюсь, голова не закружится. Хотя в последние годы в твоих трудах появилась благостность. Впрочем, это вкусовое, – поспешил сгладить резкость Машевич. – Не о словах говорю, а вот чем наше слово отзовется? – Он достал крупный носовой платок и отер пузырьки, проступающие на влажных старческих губах. – Ну, об этой профанации вовсе не говорю, – он брезгливо, двумя пальчиками оттолкнул от себя проект Закона о полиции. И все-таки не

удержался, высказался: – Да, потешный документ. Похоже, этот странный человечек искренне верит, что если милицию назвать полицией, все переменится.

Герман Эдуардович озадаченно повел жирной шеей. Вернулся к главному.

– Но вот последнее, с чем столкнулся. Администрация Президента родила очередной проект закона о борьбе с коррупцией и передала на экспертизу в Институт государства и права. Создали межведомственную комиссию поавторитетней. В том числе включили вашего покорного слугу.

– Помню, конечно, – поторопил Гулевский.

– Проект ужасный. Будто двоечники делали. Да так и есть. Не поверишь, два дня правил грамматические ошибки. А, по сути, если отбросить риторiku, – направлен на защиту той самой коррупции, с которой призывает бороться. На десятке страниц перечисляются условия, при которых чиновники и их родичи имеют право принимать подношения. О декларировании доходов заявлено. А вот о главном – расходах, – чтоб объяснился, любезный, на какие шиши при зарплате в пару тысяч долларов купил особняк в Куршевеле, – тишок. И так по всему тексту. Проигнорированы даже международные конвенции, что государством ратифицированы. Так вот месяц каждый из нас, отложив ворох других дел, в муках, до драки текст отшлифовывали. Наконец обсосали до запятой и вернули заказчику. Через неделю узнаю: проект передан в Думу с примечанием, что прошел тщательную право-

вую экспертизу. Но горький опыт общения с нашей властью имею. Посему не поленился съездить в комитет ознакомиться, – любопытно все-таки, что из наших замечаний и в каком виде учли. И что ты думаешь?

– Самые важные предложения не включили.

– Не включили! О чем ты, Илья? Там лежал тот же первоначальный текст с теми же грамматическими ошибками. То есть все наработки десятка крупнейших специалистов из разных областей права выбросили в корзину, не дав себе труд хотя бы пролистать.

– Ленивых, амбициозных дураков при власти всегда в достатке.

– Да не в дураках беда. – Машевич рассердился, отчего на губах выступили пузырьки. Он смахнул их платочком. – Дураки исполняют, а заказывают – ушлые! И те как раз точно знают, чего хотят. Ты видел, чтоб они в другую сторону ошибались? Да вот хоть... – Машевич дотянулся до увесистого «кирпича» – «Комментария к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации»; перевернул первую страницу, с длинным перечнем громких фамилий, с примечанием внизу – «руководитель авторского коллектива заслуженный деятель науки, проф. И.В. Гулевский». – С 2002 года вступил в силу, – для чего-то пояснил Машевич. – И всю систему правосудия, что не десятилетиями даже, веками в России складывалась, вмиг порушил. К примеру, санкции на аресты да обыски вместо прокуроров стали давать судьи.

Благое вроде дело? Мол, станем как Европа. А чем кончилось? Судейские направо и налево аресты подмахивают, как саблей машут. Потому что за последствия судья не отвечает и в доказательства виновности вчитываться не обязан.

– Но вы же знаете, как я против этого боролся! – Гулевский не сдержал раздражения. – В Думе выступал, Президенту писал. И комментарий к этому разделу давать категорически отказался. И не только к этому. Потому что изначально в кодекс закладывалась совсем другая идеология. А статью мою в «Государстве и праве», где я эту бездумную компиляцию громлю, разве не читали?

– Я-то читал, – вежливо подтвердил Машевич. – Еще сотня таких, как я, прочитала. А вот это, – он постучал пальцем по фамилии Гулевского на обложке, – для всей страны. Освещено!

Он оглядел смурного ученика, улыбнулся слабой, примирительной улыбкой.

– Не знания наши нужны этим ловким людям, Илья. А имя, дабы им прикрыться, – заключил он.

– Что вы хотите сказать? – Гулевский давно понял, что разговор затеян не просто так.

– Я уезжаю, Илья! – объявил Машевич. – В Германии осели дети. В Кельнском университете предлагают место на кафедре. Там меня, во всяком случае, услышат.

– Там услышат, – не веря своим ушам, повторил Гулевский. – А разве здесь голос корифея советской криминоло-

гии уже не нужен? Если еще и вы уедете, кто ж станет истину царям с улыбкой говорить? – пошутил он натужно.

– Будто нужна им истина!

– Но меня пока слушают! – горячо вскричал Гулевский.

– Вот это называется «слушают»? – Машевич насмешливо отодвинул кодексы. – Вот что скажу тебе на правах прежнего учителя: не пачкайся, Илья. Твое имя на Западе звучит. И от всего этого мусора пока что отделяют. Пока что! – он потряс заскорузлым пальцем. – Меня попросили передать: готовы организовать цикл лекций в крупнейших университетах Европы – на твоих условиях.

Гулевский, даже не дав договорить, энергично затряс головой.

– Нет, Герман Эдуардович, я о собственной пользе иначе сужу. Пусть из десяти моих наработок одна пройдет. Но и это что-то! Не в сторонке, на бережку, а – бороться, доказывать, переламывать ситуацию. Другого не мыслю.

– Что ж, так и думал! – Машевич сделал движение подняться.

– Вы сами учили меня не отступаться! – безысходно напомнил Гулевский. – И что ж теперь получается?

– На все есть предел, – ответил Машевич, потянулся к шкафу, к которому прислонил трость, – в последнее время стали отказывать ноги. – Должно быть, теперь твое время не отступаться.

Дверь распахнулась. В проеме возникла секретарша ка-

федры Арлетта – с безумными глазами и открытым, перекошенным ртом.

– Илья Викторович, там ваша жена звонит, – невнятно пробормотала она.

– Какая еще?.. – не понял Гулевский.

– Бывшая. Она говорит, будто... – Арлетта ткнула пальцем за стену, где, должно быть, лежала снятая трубка, сглотнула слюну, лицо ее жалостливо скукожилось.

– Ну же! – рявкнул Гулевский.

– Илья Викторович, сыночек ваш погиб!

3

По случаю назначения Константина Погожева начальником юридического отдела, он, как водится, «накрыл на работе поляну». К семи вечера веселая компания рассталась у дверей офиса. Большинство двинуло в сторону метро «Белорусская». Собирался поначалу вместе со всеми и Константин. Но приятель, заводной и неумный Вадим Седых, не желая расставаться, уговорил его завернуть напоследок в какой-нибудь из ближайших ресторанчиков.

В первом часу ночи на другом конце Москвы к КПП элитного жилого комплекса «Товарищество достойных», что в полукилометре от метро «Лоськово», из лесного массива выбежал взъерошенный, вывалявшийся в грязи человек. С перекошенным от ужаса лицом он принялся что-то возбуж-

денно выкрикивать, беспорядочно размахивая руками в сторону леса. И вдруг зашатался и рухнул перед шлагбаумом. Это был Вадим Седых. Вызвали «скорую помощь». Не дожидаясь ее прибытия, охранники прошлись вдоль ограды и в трехстах метрах обнаружили еще одного, недвижно лежащего на скамейке мужчину – Константина Погожева. Бригада «скорой помощи» определила у обоих сильнейшее алкогольное отравление. Вадима Седых в коме увезли в реанимацию. Константин Погожев умер еще до приезда врачей.

Подъехавший по телефонограмме из больницы милицейский наряд наскоро опросил охранников. Причина случившегося казалась очевидной, – подвыпившие гуляки, желая добавить, купили в одном из ларьков спиртное, оказавшееся «паленым». Такие случаи алкогольного отравления встречались сплошь и рядом. Правда, до летального исхода до сих пор не доходило. «Но когда-то должно было дойти», – философски заметил старший наряда – лейтенант милиции. «А может, еще и сами какого-нибудь клея на спирту смастырили и не рассчитали. Нынче все умельцы», – тонко предположил он.

* * *

Дни после трагического известия смешались для Гулевского в липкий, отупляющий ком. Звонки с соболезнованиями, какие-то хлопоты. Потом кладбище, венки, тянущее

душу завывание жены, скорбные лица друзей сына, лишь немногих из которых он узнал. Одним из этих немногих оказался Егор Судин. Впрочем, если б он сам не подошел к Гулевскому, возможно, не узнал бы и его. Парень возмужал. Из прежнего рыжего бесенка превратился в крупного, с сильно поредевшими волосами шатена. Егор попытался высказать слова соболезнования, булькнул и – осекся. Впрочем, лихорадочные, в черных потеках глаза на осунувшемся лице сказали за него.

– Главное, вместе отмечали, – выдавил Егор. – Мы ж в одной фирме...

Гулевский кивнул.

– Они, когда решили продолжить, меня тоже уговаривали. Да пришлось по работе задержаться. Может, если бы... ничего б и не случилось.

Он рыкнул, подавляя рыдание.

– А как?.. – Гулевский забыл имя.

– Вадик? – догадался Егор. – По-прежнему в коме. Но, говорят, надежда остается. Отец врачей из Кремлевки подключил.

Он осекся, спохватившись, что надежда на спасение живого может быть неприятна отцу того, для кого надежды уж не было.

– Мы ж с колледжа втроем.

Подошел Стремянный, поддерживая под локоть полненькую курносую девушку в черном платке и распухшим от слез

лицом. Рот ее был горько поджат.

– Илья Викторович, это Валя, – представил Стремянный. – Та самая, невеста.

При слове «невеста» по губам Вали скользнула скорбная тень, – больно неуместным показалось оно на кладбище.

Гулевский и Валя замялись, не зная, кто кому должен первым выражать соболезнование. Гулевский просто притянул девчущку к себе.

– Видишь, как бывает, – пробормотал он. – Думал познакомиться на свадьбе.

Мимо проходила жена Гулевского. От недоброго ее взгляда Валя вздрогнула, невольно вжалась в плечо Гулевского.

– Не обижайся. Для нее сейчас все живые – виноватые, – Гулевский огладил русую девичью головку. – Это пройдет... Если вообще пройдет.

Он вдруг увидел жену со спины, – постаревшую, обмякшую, Будто из тела вынули кости. Она шла, перебирая ногами и вытянув руки к поджидавшему холеному мужчине в норковой шубе.

На поминках, устроенных в двухкомнатной квартирке, что снимали Костя с Валей, один за другим говорили Костины товарищи. И хоть понятно, что в таких случаях говорится лишь хорошее, Гулевский с удивлением ощущал, будто говорят не о его сыне, а о ком-то, кого он не знал: общительном, открытом к друзьям, надежном в жизни и в деле человеке.

Подошла Валя. Платок она сняла, и русые, сведенные в

кичу волосы придавали ее простенькому личику выражение потерянности.

– Илья Викторович, я должна вам показать... – она потянула Гулевского в смежную, крохотную комнатку, подвела к подвешенным над письменным столом книжным полкам, одна из которых – он сразу увидел – была уставлена его книгами: монографиями, пособиями, из-за которых топорщились юридические журналы с его статьями.

– Не знаю, как быть с этим, – неловко произнесла Валя. – Я съезжаю к маме. У нее лишнего места нет. К тому же я-то не юрист. Костя сказал, что собрал все ваши публикации.

– Отдай в библиотеку, – невнимательно посоветовал Гулевский.

Валя удивилась:

– Удобно ли? Все-таки дарственные.

«Дарственные»?! – Гулевский потянулся к полке. Снял одну, раскрыл, следом, задрожавшей рукой, – другую, наугад – третью. На титульном листе каждой книги стоял авторский экслибрис: посвящение от отца сыну. «Учись, балбес! Наука ждать не станет». Или – «Моему единственному, любимому сыну – с надеждой и упованием», «Костику от отца – свершая, свершишься».

– Что-то не так? – Валя, заметив, как перекосило его лицо, встревожилась.

– Все так, – прохрипел Гулевский. Все было так, за одним исключением. Он не дарил книги сыну и не писал посвяще-

ния. Все эти надписи сочинялись самим Костей – еще в школе сын часами старательно копировал отцовский почерк.

– Долго собирал? – он отвел глаза, чтоб не выдать себя.

– Всякий раз от вас возвращался с новой книгой.

«Всякий раз»... Полка едва вмещала книги, журналы.

Меж тем виделись они с сыном мельком, хорошо, если два раза в год.

Гулевский ухватил себя за глотку, чтоб не зарыдать, но почувствовал, что не в силах сдержать подступившую истерику, и – опрометью бросился из квартиры. Что-то крикнула вслед перепуганная Валя, кто-то пытался удержать его в прихожей, но он вырвался. Кто-то – как будто Егор Судин – с одеждой в руке нагнал на улице – и заставил-таки натянуть пальто и шапку. Хотел проводить. Но Гулевский грубо избавился от навязчивого провожатого, забежал в ближайшую подворотню и, более не сдерживаясь, закричал в голос. Кричал, зажимая рот, чтоб не переполошить темный, равнодушный к нему двор, и мерно бился головой о крышку помойки.

Ему сделалось воистину худо.

Только что он потерял сына во второй раз. На кладбище он хоронил человека, рожденного от него, но жившего своей жизнью, своими, чуждыми Гулевскому интересами. Было его безумно жалко. Но все-таки то был родной по крови, но чужой по духу человек. И это несколько смягчало горечь утраты. И вдруг оказалось, что все не так.

Все эти годы рядом метался лишенный родительской люб-

ви мальчишка. Пытавшийся добиться от черствого, кичливого отца уважения, заслужить его одобрение. И что встречал? В мозгу Гулевского с фотографической ясностью воспроизводились их редкие встречи, робкие фразы сына, собственные язвительные ответы, колкие насмешки. Чванливый самодур, не способный разглядеть родную, трепетную душу. Как же печет сердце!

Гулевский рванул рубаху, скребанул ногтями по груди, пытаясь вырвать наружу глухую, яростно грызущую боль. Так в поисках глотка воздуха рвет собственную глотку отравленный газом. Если бы мог, Гулевский разорвал грудь, не колеблясь. Но разорвать было нечем, и на теле остались лишь кривые, сочащиеся полосы.

Не желая никого видеть, он уехал на дачу и там с разряженным мобильником затаился. Лишь от одного человека не дано было ему избавиться, – от самого себя. Гулевский знал боль, но не было хуже этой душевной, корежащей муки.

Попытался приглушить тоску спиртным. Не помогло. Водка лишь добавляла хмари. Он перестал топить печь. Просто сидел в морозной избе, укутанный в плед, раскачиваясь в кресле-качалке, с рефлектором в ногах. Утонув в безысходности.

На третий день приехала Маргарита. Груженная сумками, ворвалась она с мороза и – будто споткнулась. Гулевский поймал потрясение в ее глазах и понял его. Вместо ловкого, ухоженного, крепкого любовника увидела она перед собой

одутловатого, в серебристой щетине старика со слезящимися пустыми глазами. Двадцатипятилетняя женщина вдруг прозрела в будущем муже неопрятного, убогого старца. Ужас отобразился на лице Маргариты.

Она тут же оправилась. Заглаживая неловкость, принялась хлопотать: выкладывать продукты, разжигать печь, ухватилась за веник.

Но главное меж ними случилось в ту секунду, когда пересеклись взгляды. И этого было не изменить.

Гулевский прокашлялся.

– Уезжай, Марго, – выдохнул он.

– Гонишь?! – не поверила она.

Он кивнул, – сил лукавить не было.

– Мне сейчас никто не поможет, – кое-как объяснился Гулевский. – И, пожалуйста, проследи, чтоб никто другой... Ни под каким предлогом.

Маргарита переменялась в лице, но согласно кивнула. Не пререкаясь, оделась и вернулась на станцию.

Лишь на другой день Гулевский сообразил, что уходить ей было некуда. Приехала она под ночь и ушла в ночь. А значит, проторчала до утра на морозной платформе в ожидании первой электрички.

Но это было после. А в тот миг, глядя ей вслед, с удивлением обнаружил, что и в самом деле не хочет, чтоб она была рядом.

Еще через неделю в промозглую дачу ввалился Стремян-

ный.

Стремянный, как до него Маргарита, поразился, как за какой-то десяток дней ушла жизнь из бодрого, переполненного целями и планами энеджайзера.

– Здорово, затворник, – бодренько поздоровался он с порога. – Не довольно ли в скиту пребывать?

Остановил ногой движение качалки, носком оттолкнул подкатившуюся бутылку из-под водки. Гулевский поднял больные глаза.

– Женька! – выдохнул он. – Если б ты знал...

– Знаю. Я видел эти книги и надписи. Еще... до того видел.

– И ты – понял?! Ведь он же меня перед другими придумывал. Придумывал нормального отца, которого был лишен!.. – взрыднул Гулевский.

Стремянный нахмурился. Оба помнили, что не раз и не два именно с этим пытался он достучаться до товарища и всякий раз пасовал перед брезгливым высокомерием.

– Как же печет! – Гулевский ухватил руку друга, прижал к груди, будто тот и впрямь мог ощутить пылающий в теле жар.

– Что ж теперь, схиму принять? – буркнул Стремянный, отводя глаза. – Как раз напротив, Илья Викторович, настала пора действовать. Восстановить, чтоб по справедливости... Ты насчет обстоятельств гибели выяснял?

Гулевский не сразу понял, о чем ему говорят.

– Чего там выяснять? Очнется Вадим Седых. Покажет, в каком ларьке эту «паленку» купили. Ну, привлекут торгаша. Котьке-то что с того?

– Котьке, может, и ничего. Хотя как поглядеть... А для нас важно.

Гулевский обозначил вялое движение.

– Костю убили, – отчеканил Стремянный.

– Конечно, убили, – тускло согласился Гулевский. – Хотя по квалификации – это неумышленное, повлекшее...

Он встрепенулся:

– Что ты хочешь этим сказать?!

– Убийство, Илюха, в хрустальной чистоте. Ты бы и сам сообразил, если б не впал в мировую скорбь. Случайное отравление некачественным спиртным я отмел сразу. От дверей компании отошли два здоровых парня, почти трезвых... Из ресторана тоже уходили слегка подвыпившими. А через какие-то сорок минут оба как снопы посыпались!

– Откуда знаешь, что слегка подвыпившие? Установили, что за ресторан?!

Стремянный отрицательно покачал головой. Принялся делиться информацией.

Со слов Костиной невесты, Валентины, где-то за час до установленного времени смерти Кости, он позвонил ей и сказал, что выезжает домой. Голос, по ее словам, был трезвым. Значит, если «паленку» и впрямь подсунули, то именно в ресторане. Причем перед самым уходом. Кроме того, Котька

вообще никогда в лоскутке не надирался. А вот что по-настоящему непонятно, отчего Костю и Вадима потянуло к черту на кулички, – аж в «Лоськово». Офис компании находится в районе Белорусского вокзала – на улице Правды. Жили оба по ветке в сторону Речного вокзала. На том, чтоб добавить, настоял, если верить сослуживцам, неугомонный Вадим. Но для того, чтоб накатить по сто пятьдесят на посошок, вовсе не обязательно тащиться полчаса на метро, – в районе Ленинградского проспекта хватает своих забегаловок.

– Что показала судмедэкспертиза?

– Заключение до сих пор не получено. Понимаю, Илюх, ты сейчас как в липкой патоке: застрелиться легче, чем с места сдвинуться. Но – если не мы, то кто? – Стремянный намекаяще протянул джемпер. – Надо разобраться, дружище.

Он не договорил главное: надо это было прежде всего самому Гулевскому.

Не церемонясь, зашел со стороны спинки и внезапным движением вытряхнул Гулевского из кресла, так что тот от неожиданности едва не упал. И упал бы, если б не ухватился руками за раковину. Собрался обругать бесцеремонного приятеля, но разглядел в зеркале свое угрюмое отражение, оттянул набухшие мешки под воспаленными глазами. Припомнив испуг Маргариты, понимающе скривился. Неприязненно мазнул ладонью по наждачным щекам и подбородку, – бритвенных приборов не захватил.

– Держи, – предусмотрительный Стремянный вытянул из

кармана несессер.

Гулевский набрал холодной воды. Не жалеючи, принялся ожесточенно намывать щеки.

– Но кому и для чего понадобилось их убивать?! – выкрикнул он.

– Смотри, шкуру со злости не сдери, – предупредил Стремянный. – Как раз на сей вопросец отгадка имеется. Я этот их день до гаечки восстановил. Котька перед уходом снял с зарплатной карты шестьдесят тысяч рублей в российской валюте. Они ж к свадьбе готовились. Так вот ни денег, ни часов, ни мобилы при осмотре тела...

Стремянный осекся, будто сказал бестактность.

– Деньги мог на работе оставить, – прикинул Гулевский. – Чтоб в ресторан не тащить!

– И Валюха так подумала. А про часы и мобилу решила, что потерял. Раз уж пьяный. Побывал я у него на работе... С Егором Судиным порылись по ящикам. Они ж вместе работали.

– Знаю.

– В столе чисто. Потом один из сослуживцев видел, что Котька, уходя, сунул пачку денег в нагрудный карман. Так что пропажа денег – это, считай, задокументировано. Вот тебе и мотив. Возможно, когда в ресторане рассчитывались, достал всю пачку. Его и «сфотографировали». Могли, конечно, менты при осмотре тела заначить, – протянул Стремянный. – Сейчас они такие, бедовые... Но есть у меня предпо-

ложение, что тело вообще никто не осматривал.

– Что? Нет протокола осмотра места происшествия? – Гувлевский едва не порезался.

– Протоколишко, может, и есть, – протянул Стремянный. – Но, сдастся мне, если и есть, то составили его задним числом. Я сам по следам ребят прошел, – признался он. – Там от метро «Лоськово» к «Товариществу достойных» через лесопарк идет аллея километра на полтора. Вдоль нее – скамейки. Вычислил скамейку, на которой Костя лежал, – до сих пор вдавленные отпечатки. А вот следов осмотра места происшествия что-то не обнаружил. Скорее какой-нибудь оперок, чтоб на морозе не мерзнуть, мог протокол в морге составить. А то и вовсе – со слов охранника, что тело обнаружил. Вписал «для привязки» навскидку любую скамейку. Сейчас всем все влегкую.

– И все-таки не факт, что отравили с целью ограбления. Ведь Костю мог обобрать какой-нибудь залетный прохожий. Проходил мимо, увидел на скамейке в стельку пьяного, ну и пробежался по карманам.

– Насчет залетного – особо любопытственная темка, – Стремянный поднял палец, призывая к вниманию. – Я уж тебе сказал: километра на полтора лесопарк. Аж до самого Товарищества. Вдоль тротуара даже фонарей нет. И, как говорится, чужие там не ходят. Прохожих днем-то не сыщешь, не то что к ночи, по тьме Египетской. Нет, Илья Викторович, обобрал Котьку тот, кто за ними двумя следом шел. И, стало

быть, знал, что упасть должны. А знал, потому что сам отравил. Другой вопрос на засыпку меня мучает. Метро, машины, толпы людей под боком. Это же помощь! А двое тяжко отравленных из последних сил волокутся по пустынной аллее в темноту. То ли ориентировку потеряли?

Он задумчиво огладил подбородок.

Гулевский сдернул с крючка нечистое вафельное полотенце, яростно растер изрезанное лицо, обернулся:

– У кого в производстве уголовное дело?

– Нет никакого дела, – откликнулся Стремянный. – Проверочный материал, как узнал, лежит в межрайонном следственном отделе у какого-то следователя Цыпко. Похоже, ребята несуетливые.

Он насмешливо оттопырил губу.

– Чепуху городишь, – рассердился Гулевский. – Если ты прав и налицо признаки убийства, как можно, чтоб до сих пор не возбудили дело? В таких чрезвычайных случаях каждая минута дорога. Наоборот, создают оперативно-следственную группу, прочие службы подключают. Выходные отменяют.

– Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам, – отреагировал Стремянный, распевной интонацией обещая Гулевскому и другие сюрпризы. – Предлагаю с этими вопросиками подъехать к следователю. Машина в вашем распоряжении.

У палисадника парила старенькая «ДЭУ Нексия», на ко-

тору в девяностые начальник «убойного» отдела московского угро копил несколько лет. За пятнадцать лет машина сильно обветшала. Боясь, что на морозе не заведется, Стремянный не заглушил ее.

– Так и не поменял старушку? – заметил Гулевский.

– Нормальная машинеха. Еще и муха не сидела, – буркнул Стремянный. Признаться, что за годы адвокатской практики так и не наработал на новую, ему было неловко.

4

В Москве Гулевский заскочил домой переодеться и привести себя в порядок. Встретиться договорились у следователя.

Двухэтажное кирпичное здание неподалеку от метро прежде занимала прокуратура со своим следственным аппаратом. Когда следствие от прокуратуры отпочковали, здание поделили меж двумя ведомствами. Попасть в прокуратуру и следственный комитет можно было через единственный подъезд с общим постовым на входе. Но далее лестничные пролеты разбегались направо и налево, будто расчлененные надвое сиамские близнецы.

Заплывший милиционер на входе при виде полковничьего милицейского удостоверения равнодушно кивнул.

На вопрос Гулевского, как найти следователя Цыпко, снизошел до краткого пояснения:

– Следователи налево, прокуроры направо.

Со второго этажа левой лестницы донесся многоголосый жеребиный гогот.

– Это как раз следователи, – подтвердил постовой.

За время недолгого подъема Гулевский успел уловить, что на втором этаже обсуждается вчерашний сабантуй с девицами из канцелярии. Какой-то Симка, не стесняясь в подробностях, доказывал, что Машку он все-таки отымел. Собеседники, явно подтрунивая, матерно сомневались.

Перед Гулевским открылась задымленная лестничная площадка. В клубах табачного дыма энергично размахивал руками долговязый круглолицый парень в длинном кожаном пальто и остроносых, загнутых кверху туфлях – несомненно, тот самый Симка. Лица трех его собеседников были исполнены лукавства. Заразительней и откровенней прочих гоготала девица в форме лейтенанта юстиции.

Появление незнакомца не смутило весельчаков и даже не заставило прервать разговор.

– Вообще-то здесь посетители бывают. И не все глухие, – проходя мимо, бросил Гулевский.

На него глянули с недоумением.

Кажется, вся жизненная активность следственного комитета сосредоточилась на лестничной клетке. Во всяком случае, длинный, покрытый свежим линолеумом коридор показался Гулевскому беззвучным. Немногие, притихшие у кабинетов посетители выглядели так, будто из них откачали

воздух.

Он разыскал дверь, на которой среди прочих фамилий значилось – «И.Б. Цыпко», коротко постучал и, не дождав-шись ответа, вошел.

Кабинет оказался пуст. Лишь заваленные бумагами столы и распахнутые настежь сейфы свидетельствовали, что хозяе-ва их неподалеку. В ворохе бумаг натренированный глаз Гу-левского заметил уголовные дела, – заходи – бери. «Должно быть, “лестничные” олухи», – решил про себя Гулевский.

Он собрался выйти, но тут послышался шорох и из-за крайнего, у окна, стола показалась нескладная бледнень-кая девчужка с короткой высветленной стрижкой, очевидно, секретарь или практикантка. В руках она держала обронен-ные очки.

– Мне нужен следователь Цыпко, – обратился к ней Гу-левский.

– Я вас слушаю. – Девушка подула на стекла.

Гулевский не сдержал удивления. Девчужка водрузила на нос очки, сделавшие ее несколько старше, оправила юбку.

– Следователь Цыпко Ирина Борисовна, – со строгостью в голосе представилась она.

– Здравствуйте. Моя фамилия – Гулевский.

Цыпко припоминаяще свела бровки к переносице.

– У вас материалы по факту смерти моего сына, Констан-тина Погожева. – Гулевский с усилием выдавил из себя эти слова. – У него фамилия матери, – опередил он вопрос. –

Хотелось бы узнать, что установлено и что делается по делу.

– Как же, как же. Это которые отравились, – припомнила Цыпко. Она приняла скорбный вид. – Прежде всего, позвольте выразить соболезнование. Поверьте, мы все сочувствуем вашему горю.

Фальшивое, казенное сострадание зародило в Гулевском глухое раздражение.

– Делается, поверьте, все возможное, – сюсюкающим тоном, каким говорят с заболевшими детьми, продолжила Цыпко. – И как только появятся результаты...

– Номер уголовного дела! – перебил ее Гулевский.

Цыпко озадаченно прервалась.

– К сожалению, для возбуждения уголовного дела пока нет достаточных оснований, – огорченно сообщила она. – Но доследственная проверка, уверяю вас, ведется тщательнейшая.

– Да? И какая же, позвольте спросить? – заинтересовался Гулевский. – Каково заключение судебно-медицинской экспертизы? Кто по вашему поручению осуществляет оперативно-розыскные мероприятия?

– Ой! – Цыпко по-девчоночьи всплеснула руками. – А то все никак не соображу, где вас видела. Вы ж у нас в сентябре вводную лекцию на первом курсе Академии правосудия читали! Вот как про оперативно-розыскные действия сказали, сразу вспомнила.

– Вы – студентка первого курса? – поразился Гулевский. –

И вас утвердили на должность следователя? По благу, что ли?

– Да что вы? Тоже мне – блат. Еще и уговаривали! – обиделась Цыпко. – У нас многим девчонкам с курса предлагали. Деньги, конечно, небольшие, поэтому ребята отказываются, но все-таки, пока учишься, можно перетоптаться. Мы с мамой посоветовались и согласились. Вообще-то я поступала в консерваторию по классу виолончели. Но – переиграла. – Она помяла пальчики. – Думала, в музыкальную школу пойти, но там преподавателям вообще копейки платят. Ничего, главное до диплома дотерпеть. А там сразу – в адвокатуру.

– Знаний-то для следственной работы хватает? – желчно поинтересовался Гулевский.

– Не очень. Но я вникаю. В конце концов, это ж не виолончель, – простодушно поделилась Цыпко. Глаза ее наполнились свежим, непритворным состраданием. – Господи! Так это ваш сыночек! Если б мы сразу узнали...

– Покажите материалы! – потребовал Гулевский.

Цыпко смешалась:

– Вообще-то не положено. Но вам, наверное, можно.

Со вздохом открыла тяжелую сейфовую дверь, на ощупь вытянула тонюсенькую папочку со штамповкой «Уголовное дело №». Номера не было. Да и внутри папка, по сути, была пуста. Лежали две телефонограммы – из больницы и из морга да бланк объяснения с куцыми показаниями некоего Бовина, охранника жилтоварищества «Товарищество достой-

ных», обнаружившего сначала Вадима Седых, а после – тело Константина Погожева. Объяснение состояло из нескольких предложений: возле проходной упал человек, пошел с обходом, на седьмой по счету скамейке, считая от метро, увидел тело, позвонил. Протокола осмотра места происшествия не было вовсе.

– Это все? – не поверил Гулевский. Он даже бессмысленно потряс пустую папку. – Где план оперативно-следственных действий? Где постановления о назначении экспертиз? Где поручения органу дознания? Где протокол осмотра места происшествия, наконец? Ведь тру-уп!

Цыпко сглотнула:

– Я тоже милицию спрашивала, где протокол осмотра? Оказывается, они решили, что раз перепились пьяные, то нечего осматривать. Потом уж, когда из больницы и из морга телефонограммы поступили, – передали нам по подследственности... Представляете, каков уровень в этой милиции, – посетовала она. – Виталий Борисович, наш руководитель следствия, их тоже очень ругал.

Она заискивающе поглядела на именитого посетителя. Гулевский все не мог поверить тому, что видел.

– Да, милиция откровенно схалтурила, – согласился он. – Но у вас-то эти материалы уже, – он зачем-то сверился с часами, – больше двух недель. Вы-то давно знаете, что потерпевшие не упились! Что их отравили с целью ограбления. Или – не знаете?! – догадался вдруг он. – Вам известно, что у

моего сына была похищена крупная сумма денег, часы, мобильник?

– Да что вы? – безыскусно удивилась Цыпко.

Гулевского перетряхнуло.

– Неужто и впрямь никто ничего не делает?

Он отбросил пустые «корочки».

Цыпко согласно закивала:

– Я понимаю, о чем вы, Илья Викторович. Я тоже хотела сразу возбудить уголовное дело. Но Виталий Борисович, наш руководитель, он велел ждать, пока не придет заключение медицинской экспертизы. Виталий Борисович говорит: надо прежде убедиться, что это не случайное отравление. Вам лучше к нему зайти... Я уверена, как только он узнает, что погибший – ваш сыночек...

– Да при чем тут мой – не мой!.. – Гулевский готов был взорваться. Но наткнулся на испуганно скукожившееся личико.

– Вы бы зашли все-таки к Виталию Борисовичу! – пролепетала Цыпко. – Кабинет в торце. Как только даст команду, я тут же...

Она умоляюще прижала локотки к груди. Гулевский безнадежно махнул рукой.

– У вас с консерваторией окончательно не получилось? – уточнил он. Цыпко растерянно заморгала белесыми ресничками. – Попробуйте еще раз поступить. Может, в этот раз нам всем повезет.

Дверь торцевого кабинета с богатой бронзовой табличкой «Руководитель межрайонного следственного отдела Мелещенко В.Б.» распахнулась от удара изнутри, и в тихий коридор, едва не сбив Гулевского, с перекошенным лицом выскочил Евгений Стремянный. Губы его зло подергивались.

– Думаешь, ты в своей жизни встречал паскуд?! – прошипел он в лицо другу. – Так на самом деле ты их еще не видел.

Он ткнул пальцем себе за спину. Огладил сжавшийся кулачище:

– Спасибо тебе, Господи, что удержал суетную руку. Не дал впасть в грех... Понимаешь, решил до встречи с тобой зайти познакомиться. Представился, как положено: подполковник милиции в отставке, ныне адвокат, друг погибшего. Имею значимую информацию. Готов оказать любую помощь. Вообще без понтов!.. Так он меня послал. Оказывает, много нас тут ходит. Понадобисься, говорит, вызовем. И – освободите кабинет! Вот такой диалог на пользу дела. Ух и хряк!

В коридор возвратились следователи с лестничной клетки. Проходя мимо, со строгостью оглядели буянящего посетителя.

– Хряк – это я о вашем начальничке, – охотно разъяснил им Стремянный. – Или, может, есть кто несогласный?

Несогласных не оказалось. Оробевшие следователи бочком обтекли мутных посетителей и живенько рассосались по кабинетам.

Стремянный, не в силах успокоиться, облизнул кулак, будто остужая:

– Меня воры в законе безнаказанно не посылали!

С внезапной силой саданул о косяк, так что по дереву побежала веселая паутинка.

– Вот что, Господи! Я, конечно, понимаю, что ты из лучших побуждений. Но в следующий раз, предупреждаю, не лезь под руку.

– Остынь, богоборец. – Гулевский снисходительно потрепал искрящегося негодованием друга. – С любым можно понять друг друга, если без горячки.

– Ну-ну, – хмыкнул Стремянный.

Кабинет оказался длинным и узким, как пенал. Составленные один к одному, покрытые общей скатертью хлипкие столы упирались в массивный, двухтумбовый стол, за которым тридцатилетний, начавший тучнеть мужчина, увлеченно навис над ноутбуком. Судя по снятому пиджаку и небрежно переброшенному через плечо галстуку, именно он и был руководителем следственного отдела Мелешенко В.Б. На тумбочке сбоку от Мелешенко располагались сразу три телефонных аппарата. Один из них – с прикрабленным гербом России. За спиной стояло развернутое знамя Российской Федерации. Над знаменем, как в прочих чиновничьих

кабинетах, висело фото дуумвирата – президент с премьером. Не зная наверняка, какому богу из двоих следует молиться, ушлые чиновники вышли из положения – сделались язычниками и молились на всякий случай обоим.

При скрипе двери Мелешенко нахмурился с раздражением отвлекаемого от дела человека.

– Я должен по два раза повторять одно и то же? – буркнул он. – Или что-то недопоняли?

Он поднял смурое лицо, и Гулевский понял, почему Стремянный назвал молодого и не заросшего еще салом человека хряком. При виде незнакомца живость во взгляде исчезла, как не было. Глубоко посаженные глазки, будто ряской, затянуло отчаянной скукой.

Мелешенко нацепил на нос тоненькие, в золотой оправе очки, сверился с ежедневником. Убедился, что неизвестный посетитель в повестке дня не значится.

Подгоняюще прищурился.

Не обращая внимания на властное неудовольствие, Гулевский прошел через кабинет, выложил милицейское удостоверение и, не дожидаясь разрешения, уселся в ближайшее кресло.

Мелешенко ознакомился.

– Вы что, стаями ходите? – процедил он. – Подполковника вышиб, взамен полковник прет. Следующий, наверное, генерал. Привыкли чинами давить. По прежним временам тоскуете, когда всякие милицейские начальнички о следователя

ноги вытирали. Или забыли, что следствие у нас ныне независимое? Так вот чтоб вы усвоили, – мне хоть маршал. Не имеешь прямого отношения к делу, стало быть, нечего болтаться и отвлекать занятых людей. Надеюсь, я понятно объяснился?

Он с чувством впечатал удостоверение перед Гулевским. Было заметно, что возможность хамить людям в более высоких чинах доставляет молодому начальнику свежее, мстительное удовольствие.

– Я как раз имею прямое отношение, – сдержанно отреагировал Гулевский. – Я – отец убитого Константина Погожева.

– Не понял, – озадаченный Мелешенко вновь потянулся к удостоверению.

– У него фамилия матери.

– Тогда откуда известно, что вы отец? Где написано? Свидетельство о рождении прихватили с собой?

– За две недели, прошедшие со времени убийства, хотя бы родственников можно было установить, – огрызнулся Гулевский.

Мелешенко высокомерно повел шеей. С тоской скопился на монитор.

– Ну, ты подумай. Кто ни зайдет, все наперед знают. Убийство, видите ли! А я пока знаю только, что в крови у этих двоих обнаружена концентрация алкоголя. Дня не проходит, чтоб в морг не доставили очередного упившегося бомжа. И

что прикажете, по каждому случаю уголовное дело возбуждать? Нет уж, у нас перед законом все равны: что бомж, что сынок милицейского полковника! Будет судебно-медицинское заключение, тогда и поглядим... Он, кстати, у вас не хроник был? Или, может, наркоман? Сейчас это повсеместно.

Видно, на лице посетителя отразилось желание отвесить оплеуху, потому что Мелешенко многозначительно положил руку на рычаг телефона.

– Что вы на меня глазами сверкаете? Это не я выдумал. Охранники, обнаружившие одного из двух, подтвердили: буюн был, неадекватен, нес бред, порывался куда-то бежать. И вы станете утверждать, что это не упившийся человек?

Гулевский, хоть и полыхало внутри, сдержался.

– Вы хотя бы из любопытства заглянули бы в медицинскую энциклопедию. Тогда б увидели, что симптомы эти характерны для нейролептика. А значит, никакое это не бытовое алкогольное отравление. Какой нормальный человек станет водку с нейролептиком мешать? А раз оказалось намешано, значит, кто-то подбавил. Это же очевидно!

– Пока все это ваши фантазии, – отрезал Мелешенко. – Будет медицинское заключение, будем разговаривать.

Он одышливо перевел дыхание.

– И когда получите заключение?

– Тут однозначно не угадаешь!

– Как это? – У Гулевского непроизвольно отошла че-

люсть. – Есть четко регламентированные законом сроки.

– Сроки, конечно, есть, – Мелешенко тонко улыбнулся. – Только у медиков таких экспертиз – завал. А зарплаты так себе. И все ведь хотят побыстрее. А чтоб ускорить, надо продвинуть, – он пошуршал пальцами. – Адвокаты, сволочи, развратили. Раньше-то расценки умеренные были. А ныне, чтоб в срок сделали, – меньше пятидесяти тысяч не подходит. Вот и приходится либо ждать, либо – если сами родственники на коммерческой основе.

Лицо Гулевского посерело.

– Впрочем, дело хозяйское, – подметил его негодование Мелешенко. – Нет нужды, так ждите как другие. Я ведь суд-медэкспертизой не командую и расценки не устанавливаю. Через месячишко, глядишь, поступит заключение. Тогда и...

Он намекающе скосился на монитор. Терпение Гулевского, и без того невеликое, иссякло.

– Ну, придет к вам заключение! Когда-то да придет. И будет там черным по белому написано, что налицо признаки криминального отравления. И что? Только тогда забегаете? Ведь вы-то не девочка-виолончелистка. Наверняка сразу поняли, что это умышленное отравление! И вместо того, чтоб напрячь все ресурсы на розыск отравителей, вы своими волокитой и бездействием, наоборот, объективно их покрываете!

Мелешенко поморщился, – назойливость посетителя докучала ему. Опять с вожделием скосился на ноутбук.

– Ладно, оставим на минутку отравление. – Гулевский решил зайти с другого бока. – Но при сыне были деньги, часы, мобильный телефон. Кража-то уж точно налицо. По краже-то можно было возбудить уголовное дело и начать работать?

– Мы мелочовкой не занимаемся, – снисходительно разъяснил Мелешенко. – Кражи – это ваша, милицейская подследственность. И потом, если б наверняка знать, что кража. А так, пьяный и пьяный. Могло из карманов выпадать. По теории вероятности очень возможно.

– Да, по теории возможно. – Гулевскому все больше казалось, что он с разгону врезался в неповоротливое, недоступное убеждению бревно. – Только вы-то посажены не теорией вероятности прикрываться, а преступления расследовать.

Уголки губ Мелешенко брезгливо поползли вниз.

– У меня нет времени заниматься ликбезом, – объявил он, поднимаясь. – Но если юрист высокой квалификации говорит вам, что основания для возбуждения уголовного дела отсутствуют, стало быть, это так. Если что-то изменится, мы вас известим.

– Так вот что я тебе скажу! – Гулевский вскочил с кресла, нагнулся лицо в лицо. – То, что юрист ты никакой, – то полбеда. А вот то, что на такую должность посажен махровый чинуша, то – беда истинная!

Краем глаза он зацепил монитор ноутбука. Там замерла модная компьютерная игра «мафия». От неожиданности Гу-

левский опешил.

– Здесь-то хоть у тебя удачней получается?

– По-всякому, – Мелешенко, несколько смущенный, поспешил погасить экран.

В стопке книг возле телефонов Гулевский заметил собственное, старое пособие «Поводы и основания для возбуждения уголовного дела». Из любопытства дотянулся.

– Похоже, вы поглощены борьбой с «мафией» и на такую мелочовку, как убийства, времени не остается, – съязвил он. Пролистнул пособие. Некоторые слипшиеся в типографии страницы так и остались неразрезанными. – На процессуальную литературу, вижу, тоже.

Он раскрыл титульный лист, вытянул из кармана ручку, навалившись на стол, размашисто вписал: «Худшему следователю и юристу, какого доводилось видеть, от автора».

– Эй, в чем дело? – обеспокоился Мелешенко. – Что вы мне тут книгу портите?

С самого начала странного визита в нем нарастало чувство беспокойства. От посетителя исходила неясная опасность. Уж больно дерзко – не чета прочим – он держался. И что-то смутно цепляло в фамилии.

– Держи, недоросль. – Гулевский бросил на стол пособие и, боясь сорваться, крупными шагами направился к выходу.

Уже в дверях искоса увидел, что руководитель следствия держит в руках раскрытое пособие и озадаченно переводит глаза с фамилии автора на автограф.

При виде сведенных скул на лице товарища Стремянный понятливо хмыкнул.

– Вижу, – тоже стало противно глазу? – без труда угадал он.

– Женька, – выдохнул Гулевский. – Не поверишь, он с меня пятьдесят тысяч пытался выцыганить, якобы чтоб ускорить экспертное заключение. Знает, что полковник милиции, и – цыганит... Веришь?

– Уже узнав, что ты тот самый Гулевский?

– Нет, но... милицейское удостоверение.

– Тогда верю. Кстати, как раз эти деньги он не на себя просил. Ну, что-нибудь, наверное, надеялся в карман отслюнявить. Но негласные расценки и впрямь существуют.

Он заметил дикий взгляд друга, успокоительно потрепал по руке.

– Эк, как на вас, профессор, правда жизни действует. Ладно, не впадай в транс. Пятьдесят тысяч я тебе по старой дружбе сэкономлю. У меня в бюро судмедэкспертизы корешок остался из прежних. Решим... полюбовно.

Он прищурился, прикидывая, достанет ли у него денег. Даже полюбовное решение – это литр хорошей водки. А клиентов не было уже с неделю. И жена, кажется, разменяла на рынке последнюю пятитысячную.

– Пошли отсюда, – процедил Гулевский.

Возле лестничного пролета их окликнули. Следом поспешал Мелешенко.

– Постоите же! – непривычный к быстрой ходьбе руководитель следствия шумно выровнял дыхание. Судя по винтоватому виду реле в его голове, наконец, сработало.

– Я хочу объясниться, Илья Викторович... – протянул он смущенно. – Чтоб не думали, будто мы тут злостные волокитчики.

– А кто же вы? – удивился Стремянный.

Мелешенко смолчал.

– Конечно, вы правы, Илья Викторович, формально надо было сразу возбудить уголовное дело.

– Не формально, а по закону, – вновь встрял Стремянный.

Мелешенко ненароком подвинулся, оказавшись к нему спиной.

– Но не всегда, знаете, закон и нормативные указания совпадают, – продолжил он. – Есть еще ведомственные предписания – не возбуждать уголовное дело, пока не получишь акта экспертизы. Чтоб потом по учетам не опростоволоситься. С нашего брата за это строго спрашивают. Вы не обижайтесь, что несколько взвинченно разговаривал... Знаете, то одно, то другое. Но по жизни, чтоб вы не беспокоились...

Мелешенко, преодолевая себя, изобразил приветливость.

– Хоть формально дело не возбуждено, но работа проводится. И очень активно, – доверительно сообщил он. – Я лично держу на контроле. Поручил начальнику уголовного розыска со всем тщанием... само собой, ориентировки по пропавшим предметам. Возможно, уже и фигуранты появились.

Так что, как только заключение судмедэкспертизы получим, все разом полыхнет. Естественно, вас будем держать в курсе.

– Надеюсь, – сухо попрощался Гулевский.

Мелешенко проводил гостей неприязненным взглядом. После полученной выволочки он чувствовал себя униженным и оскорбленным. Его, руководителя межрайонного следственного отдела, принудили юлить и оправдываться, будто нашкодившего школяра. Это угнетало. Но не ссориться же из-за пустяка с человеком, наверняка имеющим прямой выход на главу Следственного комитета России.

Друзья меж тем спустились на полпролета.

– Врет как сивый мерин, – пророкотал Стремянный, не заботясь, что его услышат наверху. – Ну что? Глянем, какие сюрпризы нам уголовный розыск приготовил? – предложил он. – Тем более, командует мой бывший сослуживец.

Они как раз подошли к машине.

Машину Стремянный бросил, не доехав с полквартила до здания УВД.

– Там у них стоянка обычно забита, – объяснился он. – Заодно и прогуляемся.

Стоянка, впрочем, оказалась полупустой. Зато то немногое, что было на ней припарковано, Гулевского сильно озадачило.

– Это что? Машины сотрудников милиции или элитный автосалон?

Особенно смотрелись застывшие бок о бок три свежень-

ких гренадера – внедорожника.

– Будто с одного склада, – подметил Гулевский.

– Наверняка так и есть, – подтвердил Стремянный. – Это убэповские. Владельцы – борцы с экономическими преступлениями. Говорят, у них в агентурной разработке автодиллеры проходили. Похоже, проверка закончена и нарушений, как водится, не обнаружено.

Гулевский обернулся на угол, за которым спрятали старенькую «нексию».

– Так вот почему мы пешедралом потопали, – догадался он.

– А что ты хочешь? – Стремянный смутился. – Я же адвокат. А адвокат в их представлении хотя бы на «мерс» должен тянуть. У нынешнего молодняка своя иерархия ценностей. Срисуют мою «старушку» – считай, «опустили»... О, на ловца и зверь бежит, – оживился он. – А то боялся, что не застанем Батанова.

Из припарковавшегося «джипа-череки» выбрался тучный сорокалетний крепыш с короткой стрижкой на округлой голове – начальник уголовного розыска УВД. Острый, с горбинкой нос казался переставленным с чужого лица. Краем глаза он «зацепил» посторонних на стоянке. Узнал Стремянного, скользнул взглядом по его спутнику. Однако по привычке не торопиться события сделал вид, что никого не заметил, вытянул с заднего сиденья меховую куртку, округлым движением натянул ее на себя. И только, когда друзья подо-

шли вплотную, изобразил удивление.

– Здорово, бэу. Давненько тебя не видел, – он обменялся со Стремянным крепким рукопожатием. Привычная хмурость не сошла с лица Батанова, но за ней проступила уважительная доброжелательность.

– Да, похоже, много воды утекло, – Стремянный кивнул на джип. – Дорогая машинеха?

– А ты хочешь, чтоб у начальника розыска хуже, чем у пацанья, было? – огрызнулся Батанов. – Да и потом все-таки не рендровер, на каких нынешние центровые с Петровки разъезжают. Мы, в отличие от других, меру знаем... Как адвокатуется? – поспешил он свернуть со скользкой темы.

– В розыске веселее было, – честно ответил Стремянный.

– Нынче совсем веселые времена настали. Я как раз с совещания, из ДепУра МВД. Погоди, – спохватился Батанов. – Ты ж нынешнего начальника воровского отдела должен знать.

– Сечкин? Работал подо мной, – подтвердил Стремянный.

– Вот по этому случаю и собирали. Вчера на него покушение было, – он опередил встревоженный вопрос. – Жив-живехонек. Из травматики мазнули... А Панина из «разбойного»?..

– Так вместе у меня начинали. Толковые ребята. Дружковали, сколько помню.

– Во-во. – Батанов щербато ухмыльнулся. – Только что на совещании Сечкин при всех наехал на Панина, будто это тот

его «заказал». Панин прямо через стол на него сиганул. И такое «метелево» у них пошло на генеральских глазах, еле растащили. Обоих в службу собственной безопасности поволокли. На том и отсовещались.

Стремянный лишь крякнул. Он продолжал общаться со многими из бывших сослуживцев и знал, что разные службы стали «крышевать» различные преступные группировки. И порой столкновение интересов преступников приводило к «стрелкам» внутри милиции. Собственно, из-за этого он и подал в отставку.

Но Гулевский-то отошел от практики еще в умилительную советскую эпоху, когда милиция стояла против преступности единым фронтом. То, что он услышал от Батанова, не укладывалось в голове.

– Что значит «заказал»? – Гулевскому показалось, что он ослышался. – Вы хотите сказать, что один оперативник милиции выступает организатором убийства своего сослуживца? Как такое возможно?

Батанов, сообразив, что наговорил лишнего при постороннем, оборотился к Стремянному.

– Илья Викторович Гулевский – полковник милиции и мой близкий друг, – запоздало представил тот. – Мы приехали к тебе насчет двойного отравления.

– Отравления? – Взгляд Батанова потускнел. – Так вы с проверкой?

– Все в порядке. Илья Викторович – отец погибшего Кон-

стантина Погожева, – успокоил его Стремянный. – Хочет узнать о результатах розыска.

– Мы только что из Следственного комитета, – напористо включился в разговор Гулевский. – Выясняли, почему до сих пор не возбуждено уголовное дело. Так вот Мелешенко сослался, что дал вам поручение вести активную розыскную работу.

– Врет, прохиндей! – с аппетитом уличил Батанов. – Ничего он никому не поручал, пустышка. Сидят и ждут, когда угро им раскроет. А потом рапортуют наверх как о своих успехах.

Стремянный и Гулевский переглянулись.

– Но розыск-то раскрывает? – осторожно уточнил Стремянный.

– А как же, – бодренько подтвердил Батанов. Но то ли врать настроения не было, то ли неловко стало крутить перед старым сыскарем. – Если честно, мужики, как своим: руки не дошли. Столько неотложной текучки, только успевай поворачиваться.

Зазвонил мобильник, Батанов, изобразив извиняющийся жест, отошел в сторону.

– Ты что-нибудь понял? – Гулевский потеревил нос. – Что может быть неотложней для уголовного розыска, чем раскрытие убийств?

Стремянный хотел ответить, но Батанов быстро вернулся.

– Вот, пожалуйста, клиенты ограбили проституток, – он

для чего-то показал на телефон. – Просто повальное падение нравов. Придется срочно заниматься. А у меня каждая единица на счету. Да добро бы полноценные единицы были. А то – шантрапа, пацанье необученное. Но даже тех, кто есть, вывели за штаты, реформаторы хреновы! А двух лучших вообще на увольнение. Возраст, видишь ли! Им там надо отчитаться о сокращении. Так вишь как вывернулись. – вместо того, чтоб друг дружку посокращать, додумались, – самые живые службы ощипывают.

Горячность Батанова была наигранной. Было заметно, как хочется ему увильнуть от неприятного разговора. Он даже, щелкнув по циферблату, протянул руку для прощания. Но вырвать ее из дружеской лапы Стремянного не получилось.

– Коля, – внушительно произнес Стремянный. – Надо наше дело порешать.

Закипевшему Гулевскому просительный тон показался неуместным.

– Что значит «наше»? – резко вмешался он. – Мое дело было похоронить. А теперь это как раз ваше дело. И – наисрочнейшее.

Неподатливый на нажим Батанов насупился. Но Гулевский уже «завелся».

– Послушайте. Но – послушайте же! – он ухватил начальника розыска за пуговицу куртки. – Что вообще происходит? Сначала этот напыщенный дурачок Мелешенко с час втирал мне мозги, что никакого преступления нет и не было.

Может, мне и похороны почудились? Теперь вы – начальник угро! – ваньку валяете. Объясните, почему не работаете по убийству? Ведь все равно придется раскрывать. Так какой смысл волокитить, если завтра с вас и за «висяк» спросят, и за то, что не отработали по горячим следам?

Мясистое лицо Батанова побагровело.

Заметивший это Стремянный примирительно приобнял начальника угро за плечи; махнув Гулевскому, отвел в сторону. Склонился к крупному мохнатому уху.

– Коля, ты, похоже, не въехал, кого я привел, – внушительно зашептал он. – У Ильи Викторовича на юбилее были и наш замминистра, и Генпрокуратура, и даже из Администрации Президента. Так что – если не расковыряешь, тебя первого под прицел поставят.

– Опять блатной, – с тоской пробурчал Батанов. Стремянный с притворным сочувствием оттопырил губу.

– Протяпили мы с этими отравлениями, конечно, – нехотя признался начальник угро. – Звонок, считай, ночной был. А опергруппа в тот день крепко фестивалила, – пацан у одного родился. Ну и послали на выезд недоумка. Даже в больницу съездить не удосужился, прыщ. Видно, боялся, что без него допьют. Я, как назло, в отгулах был. А зам наутро – тоже, поди, с похмелюги – увидел, что в рапорте труп без признаков насилия, и отфутболил материал в следственный комитет. Пока вышел, пока разобрался, – десять дней как ни бывало.

– И ты решил затихарить, – подсказал Стремянный. – Угадал?

Угадал, конечно. Батанов безысходно вздохнул.

– Коля, списать на бытовое отравление не получится! – поддавил Стремянный. – Надо форсировать. Другого выхода у тебя нет.

– Да уж понятно. – Батанов скосился на недобро зыркающего Гулевского. – Но только на такое раскрытие, да еще с задержкой, как у брюхатой бабы, кого попало не поставишь. А у меня сплошной пацанник. Год стажа – уже мнит себя матерым. А сам как был неумехой, так и остался. Веришь, место происшествия осмотреть не умеют. Вот на «баблю» разводить, откуда только смекалка берется? Ушли киты вроде тебя!..

– Придется изыскать! – пресек поток новых жалоб Стремянный.

– Не мне же за вас раскрывать.

Лицо Батанова нехорошо оживилось.

– А и впрямь, Евгений Геннадьевич! Кто ж лучше тебя-то? – сладко прохрипел он. – Тем более сам же говоришь – друг!

– Да если б можно, я со всей душой. – Стремянный, обращая сказанное в шутку, хохотнул. – Пройтись, так сказать, по местам боевой славы.

– Так и возмись! – Батанов, в восторге от внезапно найденного выхода, попер буром. – Нынешние против тебя и на

четверть не годятся.

Он заискивающе потрепал Стремянного за рукав.

– Да ты сбрендил? – Стремянный вырвал руку. – Я – отставник! Даже элементарный опрос провести, – со мной разговаривать никто не станет. Или прикажешь удостоверение члена ветеранского совета предъявлять?

– А я дам, дам человечка! – с горячностью заверил готовый на все Батанов. – В полное твое распоряжение. Что скажешь: оформить там, допросить, справки по информучетам собрать, – тут как тут под рукой. И сам я на страховке. Любой твой звонок и – что надо – под козырек. Евгений Геннадьевич, мамонт мой дорогой, да ведь за ради пользы твоего же дела.

Он вдруг повеселел, – на стоянку лихо зарулил битый желтый «оппелек» с бампером, прикрученным проволокой.

– Я вам, пожалуй, Симку пошлю.

– Эсэмэс, что ли? – Гулевский, которому осточертело ждать, подошел вплотную.

Из «оппеля» выбрался рослый, гибкий парень в длинном черном пальто, в лихой ковбойской шляпе, из-под которой выбивались выющиеся светлые пряди, и в загнутых кверху шусах с металлическими набойками на носках.

– Симка, подь сюда! – крикнул ему Батанов.

На округлом Симкином лице при виде начальника появилась озадаченная улыбка, серо-зеленые, навывкате глаза, настороженно сузились. Бряцающая набойками по асфальту, он

уныло побрел к шефу.

– Один из лучших, – заверил Батанов.

Гулевский усомнился, – по металлическим набойкам да по кожаному пальто он опознал развязного полового беспредельщика, что встретился ему в следственном комитете.

– Судя по машине, новичок, – подколот Стремянный.

– Да, года еще не работает. – Батанов предпочел не заметить издевки. – Но очень, очень схватывающий. К тому же как раз свободен... Знакомьтесь, Серафим Матусенок.

– Чего это свободен? – расслышал Матусенок. – Ничего не свободен. Вы ж знаете, Николай Панкратьевич, мы Максуда выпасаем. Сегодня как раз самый ключевой этап.

– Без тебя допасут.

– Как это без меня? – Матусенок задохнулся. Обиженно захлопал длиннющими, загнутыми кверху ресницами, отчего на нос и румяные щеки посыпались снежинки. – Николай Панкратьевич, это уж вовсе не по понятиям. Симка, можно сказать, все подготовил, прослушку, наружечку организовал, а лаве, получается, другим?

– Разберетесь меж собой, – сухо оборвал его Батанов.

– Да, разберетесь, как же, – Матусенок не отступался. – Если меня сейчас отстраните, все, как в прошлый раз, выйдет: все в шоколаде, одному Симке голый васер.

Тараторя, Матусенок пытливно постреливал глазами на незнакомцев.

Батанов нетерпеливым жестом оборвал подчиненного.

– Надо плотно обработать материал по двойному отравлению, – приказал он. – Ты как будто им занимался.

– Да я на дух его не видел! – Матусенок, поняв, в какую «засаду» его загоняют, аж задохнулся. – Там на самом деле выезжал...

– Вот и продолжишь, – невозмутимо перебил Батанов. Указал Матусенку на присутствующих. – Это, чтоб знал, отец погибшего, наш полковник милиции, уважаемейший большой ученый... (Симка через силу изобразил приветливость). А это вообще легенда розыска, – ткнул Батанов в Стремянного. – Сейчас, правда, в отставке, но мастерство, как известно, не пропьешь. Фору даст любому. В общем, поступаешь в его неофициальное распоряжение. Его – команды и идеи, твое – беспрекословное исполнение.

Подметив скепсис на лице Гулевского, внушительно, для посторонних, потряс пальцем.

– Чтоб понял важность задачи! Раскрыть отравление сына полковника милиции – дело чести подразделения! Так что, считай, – приказ! Раскроешь – в молодцах. Завалишь – ответишь.

Говорить о том, чем заволокиченное дело может обернуться для него самого, Батанов счел излишним.

– Так, Николай Панкратьевич, мне ж на мобилу передали из дежурной части, чтоб сгонять по ограблению проституток! – припомнил Симка в последней, слабой надежде увильнуть от стремного поручения. – Может, все-таки кого

другого выделите?

– К проституткам сгоняй, – разрешил Батанов. – Тем более к ним ты и без приказов горазд. Но сразу после – в полное распоряжение!

Он еще раз внушительно потряс пальцем; всунул Стремянному визитку, протянул Гулевскому руку, прощаясь. Но дотошный Гулевский ухватил его под локоть и взялся довести до здания УВД. Ему все казалось, что начальник угро чего-то недопонял.

Серафим Матусенок проводил Батанова совершенно убитым взглядом.

– Что? От денежного дела отстранили? – догадался Стремянный.

Симка уныло кивнул.

– Думал, хотя бы «тачку» отремонтирую, – он с тоской глянул на свое нежнолимонное диво. – А теперь другие, пальцем не пошевелившие, бабло поделят, а меня, как всегда, на безнадегу бросили! Нет в жизни справедливости.

– Нет, – согласился Стремянный. – Так кто такой Максуд?

– Азик, – отшутился Матусенок. Взгляд Стремянного построжел.

– Да расскажу. Чего уж теперь? Все равно мимо кассы.

«Авторитет» Максуд появился на их территории три месяца назад. Снял квартиру и затих. По информации агента, из числа окружения Максуда, тот крупно «забашлил» в Махачкале, и на дно лег упакованным, – в страхе, что милиция

встанет на его след. Как он заработал деньги, установить не удалось. Но и Максуд не знал, что именно разнюхали сыскари. На этом-то и построил Симка комбинацию, в реализацию которой, с ведома Батанова, привлек еще нескольких оперов из других служб. К телефону Максуда подключили прослушку, но так неловко, что он тут же догадался. Под окнами принялась прогуливаться служба наружного наблюдения. Максуду стало ясно, что арест – дело ближайших дней. Бандит заметался по квартире обложенным зверем. И тут тот же агент сообщил ему, что есть возможность откупиться от ментов. И тогда ему дадут беспрепятственно исчезнуть. Максуд, подергавшись, согласился. И как раз сегодня его человек должен передать обусловленную сумму.

– Так как же, в конце концов, выйдете на реализацию? На чем посадите Максуда? – поторопил Стремянный.

Симка сбился:

– В смысле?.. Да ни на чем, конечно. Я ж говорю, на него ничего нет. «Отбаблится» и исчезнет с нашей территории... Будто сами так не делали?

Стремянный озадаченно огладил серебристый ежик.

– Нет, Серафим, так мы не делали, – признался он. Встряхнулся. – А с чего решил, что дело по отравлению – безнадега? Не веришь, что раскроем?

– Да не к тому я. – Симка смутился. – Ведь, если начистоту, почему никто этим отравлением не занимался? У всех свои терки. А со жмуриков что возьмешь?

Стремянный усмехнулся. Откровенность румяноликого оперативника, пусть даже с душком, вызывала в нем невольную симпатию.

– Вот что. – Он прищурился, прикидывая. – Если отпущу на денек, успеешь коммерческие разводки завершить?

Матусенок, сглотнув, кивнул.

– А не стуканете? – он опасливо ткнул в джип.

– Не обучен, – буркнул Стремянный.

Записав телефоны, он отпустил обрадованного оперка.

Гулевский мерил шаги возле «ДЭУ».

– Такое ощущение, что я в Зазеркалье, – пожаловался он. – Потерпевшие лебезят перед начальником розыска, чтоб он соизволил поработать по убийству. Да ведь как только он эту «темноту» повесит, его пометут. И поди ж ты, – сытый, самодовольный.

– Не пометут, – охолонил друга Стремянный. – Декабрь на излете. Пока медицинское заключение всплывет, наступит январь. И, значит, убийство пройдет по учетам как нераскрытое за прошлый год. А за прошлый год и спрос другой. Так что если б не твои регалии, они б вовсе не пошевелились.

Стремянный с усилием завел машину. Облегченно выдохнул.

– Жива пока старуха. На завтра стоит разделиться, – предложил он. – Я сгоняю в бюро судмедэкспертизы. А ты... Не возражаешь прокатиться до метро «Лоськово»? Пройдись в «Товарищество достойных». Поговори с охранниками, что

ребят нашли. Обгляди обстакановку. После состыкуем результаты, наметим план оперативно-следственных действий. Без плана нельзя. Меня так мой шеф, следователь по особо важным делам Гулевский, учил. – Он подмигнул. – Лады? Ну, куда я без твоего ястребиного глаза?

Гулевский неохотно согласился. Общение с равнодушными следователями, хитроватыми, погруженными в коммерцию сыскарями произвело на него тягостное впечатление. Он уже понял: чтоб этот изношенный, траченный коррозией механизм привести в действие, придется делать то, чего терпеть не мог: бегать по знакомым, хлопотать, жаловаться. И что с того Котьке? Да и ему самому. Ведь обнаружение убийцы не снимет главной, саднящей боли: сын ушел из жизни, так и не узнав, как раскаивается в своей вине отец. Но и отказать человеку, добровольно переложившему на себя чужой груз, он не мог.

Своя правда была и у Стремянного. Конечно, никакой ястребиный глаз, к тому же сильно запорошенный несчастьем, ему на самом деле нужен не был. Он просто тащил «подсевшего» друга на буксире, пытаясь «схватить» зажигающие и возродить в нем энергию к жизни.

5

Секьюрити на входе в «Товарищество достойных» хмуро оглядели милицейское удостоверение, неохотно отвори-

ли дверную калитку. И Гулевский переступил границу элитного комплекса.

Когда-то, в начале девяностых, Гулевский под Первое мая впервые в жизни ехал на поезде из Ленинграда в Хельсинки. Погода выдалась невеселая, схожая с нынешней, декабрьской. Хмарь, тяжелый снег налипал на закопченное вагонное оконце, грязная жижа стекала вдоль склизких обочин. Заваленная жухлым черным снегом, обломками досок полоса отчуждения, по которой ветер гонял клочки бумаги. Безысходный, навевающий уныние пейзаж. Климат, что с ним сделаешь?

И вдруг они пересекли границу. Не было полосатого пограничного столба, будки обходчика с финской вывеской, не появились пристанционные постройки. Погода, само собой, тоже не переменилась. Но местность преобразилась чудесным образом. Обочины отчего-то сделались аккуратненькими и будто подбитыми, словно солдатские кровати. Исчезли бесчисленные доски и прутья. Пропала и жижа, – должно быть, стекала по спрятанным желобкам в водостоки. Пассажиры в вагоне, дотеле сумрачные, радостно оживились. И Гулевский понял: хмарь не в климате, – в душах.

Подобное чувство испытал он, оказавшись в Товариществе. Перед ним лентой завивался и убегал в глубь территории сочноголубой пятиэтажный комплекс с лихими башенками на красной черепице, – символом счастья для новых русских. Сверху валом валили те же крупные мокрые

снежинки, что и снаружи. Но по дорожкам сновала юркая снегоуборочная машина, оставляя позади себя чистенькую тротуарную плитку. В ладных, форменных робах орудовали лопатами дворники. Редкие в утренний час жильцы приветливо кивали незнакомцу. На пересечении дорожек стоял полосатый столб с цветными указателями – «подземный паркинг», «фитнесклуб», «прачечная», «теннисные корты», «детская площадка». Суровая зима выглядела здесь невсамделишной.

Гулевский выбрал указатель – «Администрация» и через минуту вошел в двухэтажный, из желтого кирпичика административный корпус.

Мимо открытых дверей, сопровождаемый потрескиванием компьютерных клавиатур и гулом людской речи добрался до пустующего «предбанника» в торце, заканчивающегося дверью из дубового шпона с надписью «Управляющий товариществом Б.С. Серебрянская».

Гулевский потянулся к истертой бронзовой ручке. Но из-за приоткрытой двери вдруг донесся женский голос с едва уловимым теплым акцентом. Рука его повисла в воздухе.

В кабинете кого-то распекали.

– Непряхин, у вас как с адекватностью? – вопрошал тот же голос со строгостью. Судя по интонации, принадлежал он хозяйке кабинета.

– Чего еще? – буркнул в ответ хриплый, мужской.

– Вы приходите по вызову в квартиру... Какой вызов,

Нелли?

– Сломался смеситель в ванной, – обнаружился еще один женский голосок. – Не могут помыться.

– Вот именно. И что вы сообщили жильцам? Они мне звонили, чрезвычайно озадаченные. Не помните, Непряхин?.. Вы их спросили, вы что, евреи, чтоб по пять раз на дню мыться? Так было, спрашиваю?.. Это в квартире израильского консула!

Она сделала паузу, с трудом удерживаясь от смеха. Второй женский голос заискивающе подхихикнул. Мужчина укоризненно вздохнул:

– Так если бесконечно включать-выключать, что угодно сломается. Это ж механизм.

– А кто послал консула на рынок за переходником в три четверти дюйма?

– Так кто ж знал, что сам поедет. Нешто холуев нет?

– Немедленно ступайте туда! – голос управляющей погрознул. – И если к концу дня неполадки не будут исправлены и жильцы не подтвердят, что у них нет претензий, положите на стол заявление... Стоп! Вам бахилы выданы?

– Это которые?..

– У входа надеть и чтоб больше кирзачами по паркету не свинячить. Марш!

Из кабинета вывалился распаренный Непряев. Дородное его тело выпирало из узковатого оранжевого комбинезона.

– От стерва глазастая! – с уважением сообщил он Гулев-

скому, захлопывая дверь.

Гулевский успел втиснуть ступню, пошевелил ею. Через расширившуюся щель разглядел со спины изящную фигурку в белом жакете с красными отворотами и облегающей юбке.

– Теперь с вами, Нелли. – Женщина в жакете обратилась к притулившейся сбоку от стола девушке. Голос ее посуровел. – Вам сообщили о том, как этот охламон обхамил жильцов?

– Так если б знала, что консула.

– Вы – диспетчер! – на этот раз управляющая возмутилась неподдельно. – И должны быть моей опорой. А вместо этого уже в который раз покрываете разгильдяев. В прошлый раз пожалели пьяного электрика, из-за чего едва не проглядели пожар. Не знала она, видишь ли! Да в этом доме вообще нормальных людей нет. Вип на випе! И мы им обязаны предоставлять вип-обслуживание. За это нам с вами хорошие деньги платят! Если не умеете спрашивать с обслуживающего персонала, то вам следует найти себе другую работу.

– Но, Беата Станисловна! – взмолилась девушка. – Мне никак нельзя увольняться.

Гулевский, сердце которого давно уж предвкушающе колотилось, услышав имя-отчество, привалился к косяку. Ему не почудилось. Это в самом деле Беата.

В двадцать пять лет, поздним июньским вечером, следователь Илья Гулевский завернул за угол прокуратуры и, будто самолет в птичью стаю, буквально воткнулся в группу

школьниц-выпускниц.

– Вот ведь толоконный лоб! – тонкая как хворостинка и легкая как обечайка девчушка в белом кружевном платье сердито отерла свой лоб. И – первая засмеялась.

Гулевский сглотнул, подтянул ее к себе, тихонько поцеловал ушибленное место, разглядел легкую тревожную «ко-синку» в зрачках.

– Легче?

Она, озадаченная, кивнула.

– Тогда пойдем? – он протянул руку.

– Пойдем, – без колебаний согласилась она.

Притихшие подружки проводили их ошарашенными взглядами. Они прогуляли до рассвета, рука в руке. Утром, показав на окна своей квартиры, охватил ее личико и спрятал меж пальцев, будто в кокон спеленал; волнуясь, произнес: – Пойдем?

– Пойдем, – упавшим голосом согласилась она.

Такого лета в жизни Ильи Гулевского больше не было. Каждый день с ней был не похож на другой. Он засыпал, вспоминая теплый акцент (Беата Дымниц была из семьи обрусевших поляков), и просыпался, счастливый от мысли, что сегодня увидит ее. Звонкая, переполненная жизнью фантазерка, она ничего не требовала. Просто порхала рядом и ухитрилась превратить его жизнь в праздник. Но потом он ощутил в ней ожидание. И вдруг испугался. Он чувствовал себя не выгулявшимся, не готовым поступиться привычной

холостяцкой жизнью. Он не отказался от нее, просто замешкался. А она не захотела ждать. Будто бабочка, покружила еще, помахала крылышками, намереваясь опуститься. Но не получив сигнала на посадку, улетела в другую жизнь – поступила в Калининградский институт культуры. Спohватившись, Гулевский кинулся было следом – вернуть. Но тут его как раз бросили на раскрытие серийных краж автотранспорта, через месяц в группу влился курсант-выпускник Стреманный с его бесчисленными барышнями под рукой. И – потихоньку засосало. Какое-то время в Гулевском еще звучал колокольчиком теплый девичий смех, но потихоньку затих. А еще через полгода он как-то вдруг женился. Родился сын. Вскоре защитил диссертацию. И образ Беаты окончательно затушеввался меж доступными студентками, искавшими внимания своего преподавателя.

Теперь он стоял взмокший, сердце бухало метрономом.

– У меня ж муж на учете по онкологии, вы знаете, – робко напомнила начальнице Нелли.

– Как не знать! – едко подтвердила та. – Каждый раз, что-то прошляпив, вы мне об этом напоминаете. Но если б вы хоть чему-то учились! Нет, все, хватит! Ищите другую работу.

– Как же это! – Девушка ойкнула. – Беата Станисловна, родненькая!

Управляющая поспешно отвернулась от нее, чтобы скрыть невольную улыбку, заметила фигуру в проеме. При-

щурилась. Прятаться дальше было бессмысленно.

– Что? Разносы по-прежнему не даются? – Гулевский вальяжной походкой вошел в кабинет. Беата взгляделась. Вспыхнула.

– Ступайте, Нелли! – прервала она разговор.

– Но, пожалуйста!

– После, после.

Девушка поднялась, с любопытством оглядела незнакомца и – выскочила наружу. Гулевский подошел вплотную, разглядел ухоженное, в самом начале увядания женское лицо, знакомую «косинку» в зрачках.

– Беата, – выдохнул он. – Ведь это ты. Поразительно, но все та же. Будто при нашем знакомстве.

Он потянулся, как когда-то, к ее лицу. Беата, все еще огорошенная, отступила, рукой указала на диван, опустилась подле.

– Но как ты? Где? Что? Впрочем, где, понятно. Черт, все смешалось. – Гулевский потербил переносицу.

По лицу Беаты пробежал лучик, – она вспомнила мальчишеский этот жест. Слегка оправилась.

– Тебя, кажется, надо поздравить? – произнесла она, задавая приятельский тон. Гулевский недоуменно приподнял подбородок. – Ну, как же. С юбилеем и – потом с орденом. Награда нашла героя.

– Так ты знаешь?! – удивился он.

– В наше время это нетрудно, – Беата кивнула на компью-

тер. – Набираешь в поиске фамилию. И – пожалуйста!

– Но все-таки набираешь.

Беата нахмурилась, будто уличенная в чем-то предосудительном.

– В сущности, я знала, что ты состоишься. Необязательно, что станешь ученым. Но что будешь, как моя доча говорит, в шоколаде, ждала. Ты ведь всегда шел к цели ледоколом.

Краешек рта ее едва заметно изогнулся.

Он вспомнил, – так она делала, когда что-то в нем не нравилось. Вот и сейчас, – то ли похвалила, то ли упрекнула.

– Но как ты-то здесь оказалась? – Гулевский демонстративно огляделся. – Ведь поступила в институт культуры.

– И – получила диплом. И работала в музее, – подтвердила Беата. – А потом как у всех. Пришли хватистые девяностые, надо было выживать. Маленькая доча на руках. Закончила бухгалтерские курсы. Потом – финансовый.

– Ты – бухгалтер?! – поразился Гулевский.

– И – представь, очень неплохой. По рекомендации пригласили сюда. Осмотрелась, подсидела предыдущего управляющего. Во всяком случае, так говорят за моей спиной. Хотя вообще-то ни сном, ни духом. Но не спорю – репутацию надо поддерживать.

Глаза Беаты залучились знакомым лукавством.

– И – как управляешься?

– Трудно. Главная проблема, – она перешла на доверительный шепоток, – я, видишь ли, не ворую и взятки не бе-

ру. Но в это никто не верит. И все время пытаются всунуть. А когда не получается, допытываются друг у друга, кто дал больше. И уже такого себе напредставляли, что о моих доходах и о связях в верхах легенды складывают. Ловкая из меня вышла интриганка.

Она заговорщически подмигнула. Гулевский невольно засмеялся, – из-под деловой женщины за сорок то и дело выглядывала прежняя, искрящаяся девчонка, которая, озорничая, норовила дать ему исподтишка пендаля.

– Совершенно не изменилась. – Гулевский накрыл ее ладошку своей.

Дверь без стука распахнулась, вошла крупная, несколько нескладная молоденькая женщина с глазами, спрятанными за толстыми линзами очков.

– Мамуль! Я ключи забыла, – баском выпалила она с порога, удивленно уставилась на диван. Смущенная Беата отдернула руку, поспешно поднялась, будто застигнутая на свидании школьница.

– Познакомься, Ариша. Мой старый друг юности, а ныне крупный ученый-правовед Илья Викторович Гулевский, – представила она.

– Вижу, что друг, – съехидничала Ариша. Рядом с изящной матерью она казалась кукушонком, возвращенным канарейкой.

Гулевский поднялся, протянул руку:

– Илья. Очень приятно.

Девушка поспешно сдернула очки, проморгалась, неуютно, глаза в глаза, приблизила лицо, близоруко сощурилась. Без очков лицо оказалось красивым, а в зрачках ее Гулевский разглядел знакомую «косинку». Только не было в ней материнского лукавства.

– Нам приятно, что вам приятно, – с чопорной усмешкой ответила Ариша, взяла поданные матерью ключи и вышла, изобразив напоследок книксен.

– Саркастическая барышня. – Гулевскому казалось, что он сказал комплимент. Но лицо Беаты, дотоле приветливое, помрачнело.

Она одернула жакет. Обошла стол, будто баррикадой отгородилась.

– Так с чем нагрянул, баловень судьбы? – напомнила она. – Не станешь же врать, что разыскивал меня?

– Не стану, – подтвердил Гулевский, озадаченный внезапной переменой. – Но знаешь, теперь поражаюсь, почему не искал?

Увы! Попытка подхалимажа не подействовала. Беата поторопливующе передвинула пачку документов.

– Да-да, понимаю: – Твое время – твои деньги, – заторопился Гулевский. – Некоторое время назад возле вашей ограды охранники обнаружили двух отравленных ребят. Один из них умер на месте. Хотелось бы узнать подробности.

– Помню, – недоумевающе подтвердила Беата. – Но ты-то к этому какое отношение имеешь? Насколько знаю, давно не

следователь.

– Один из двух, тот, что умер, – мой сын, – через силу выдал Гулевский.

– Боже милосердный! Бедный, бедный мой. – Беата нащупала рукой спинку стула, осела.

В сущности, ничего существенно нового Гулевский не услышал. Когда буйный пьянчужка рухнул перед входом, охранники, чтобы не смущать «платиновых» жильцов, решили оттащить его в сторону, к парку.

– Зачем же на морозе к парку? Разве не понимали, что замерзнет? Почему не вызвать «скорую» или на худой конец милицию? – неприятно удивился Гулевский.

Беата согласно кивнула.

– Я тоже потом их спрашивала. Стоят, моргают. Еще удачно, что я как раз подъехала. Нагнулась, разобрала хрипы.

– Моего... ты обнаружила?

– Нет, я «скорую» вызвала. Парень при мне шевельнулся, сделал какой-то жест в темноту. Почудилось вроде, как пытается что-то сказать. Вот и приказала охране пройти по периметру. Так и обнаружили второго. К сожалению, уже неживого.

Беата виновато вздохнула.

– Кто именно обнаружил? – для проформы задал вопрос Гулевский.

– Охранник Бовин. Сегодня, как помню, не его смена. Впрочем, уточню.

Беата склонилась к селектору и потребовала выяснить, дежурит ли Бовин. Если да, – пригласить.

– В страшное, равнодушное время живем, – скорбно произнесла она. – Взять охранников. Бывшие милиционеры, семьи, у кого-то внуки. И поди ж ты, – легче заморозить человека, чем утруждаться хлопотами. Мне кажется, в девяностых, когда всех втянули в повальную денежную гонку, из людей вымыли самое важное – сострадание... У тебя ж телефон названивает! – спохватилась она.

Гулевский подошел к вешалке, на которой повесил дубленку, выдернул из бокового кармана вибрирующий мобильник.

Звонил Стремянный – из бюро судебно-медицинской экспертизы. По заключению эксперта, смерть наступила вследствие отравления одним из самых «тяжелых» психотропных – азалептином. При передозировке – полное нарушение рефлексов, вплоть до коматозного состояния. А смешение со спиртным приводит к необратимым изменениям в психике. В чистом виде – это зеленовато-желтый порошок из малюсеньких кристалликов. Так что попасть случайно в паленое спиртное никак не могло. Зато можно подмешать.

– Заключение, на минуточку, с полторы недели как готово. Не больно, как видишь, торопятся, – добавил Стремянный, намекая на предшествующий разговор. – А если отправлять по почте, еще недели две сроков вылетит. Я уж сам позвонил этой Цыпко от твоего имени, чтоб срочно забира-

ла.

– Правильно сделал, – согласился Гулевский. – Но сейчас главное – реанимация. Чем быстрее выйдет из комы Вадим, тем быстрее узнаем, с кем они общались.

– Не узнаем, – глухо ответил Стремянный. – Мне с полчаса как отзвонился Егор Судин. Вадим умер, Илья... Ты слышишь, что я сказал?

– Да. – Гулевский отключился. – Вот ведь... оба, – жалобно произнес он.

– Я поняла, Илюша. – Беата кивнула. – Что ж делать, милый? Надо перетерпеть. И думать о близких, которые слабее тебя, и им нужна опора. Твоей жене наверняка еще хуже.

– Наверное.

Тонкая бровь Серебрянской недоуменно изогнулась.

Дверь открылась. В кабинет вступил мужской ботинок, обладатель которого задержался, зычно выговаривая кому-то в приемной. Гулевский увидел вполоборота высокого, светло-русого молодого мужчину, скорее даже – парня.

– Вот что, Беата, – с порога начал он. Увидел постороннего и неловко закончил: –...Станисловна! Как хотите, но Непряхина надо гнать!

– Это ваша вотчина. Заслужил – выгоняйте! Что вы ко мне с любым вопросом? – с легким раздражением осадила его Беата.

– Мой главный инженер, Вадим Аркадьевич, – представила она. – Кажется, скоро покупку бахил для слесарей станет

визировать в этом кабинете.

Светло-синие глаза Вадима Аркадьевича, с нежностью глядевшие на управляющую, померкли.

– Больно надо, – обиженно буркнул он. – Вы ж поручили найти охранника Бовина. Он на два дня взял отгул. Что-то с внуком. Послезавтра должен выйти на дежурство. Если прикажете...

– Да, передайте, чтоб зашел... Спасибо, – поторопила Беата. Вадим Аркадьевич продолжал топтаться, исподлобья разглядывая Гулевского.

– Что еще?

– Так, может?... Вы не обедали. Тут неподалеку новый ресторанчик...

– Спасибо, я сыта. Как-нибудь в другой раз!

Вадим Аркадьевич еще раз скребнул недоверчивым взглядом по посетителю и вышел, со значением пристукнув дверью.

– Кажется, он тебя ко мне приревновал, – догадался Гулевский.

– А он ко всем ревнует. – Беата досадливо отмахнулась. – По правде уже уставать начала. Молодой, красивый мужик, тридцати нет. И тянет на старых баб. Может, в детстве недолюбили? И ладно б только в постель пытался затащить, так ведь замуж уговаривает. Дважды звал, дважды отказывала, дважды увольнялся. Похоже, опять созрел. И что делать, ума не приложу.

– Так выгони с концами! – Гулевский ощутил, как в нем самом закипает ревность. – Или боишься потерять поклонника?

– Поклонника – полбеды. Где я такого главного инженера найду? На нем на самом деле все хозяйство держится. Вот и лавирую. Раз-другой по губам, чтоб не раскатывал; один раз – за ушком щекеочу. Тоже – наука!

Она поднялась, напоминая о времени.

Уходить Гулевскому не хотелось. Но и повода задержаться не нашел. Заторможенно натянул он дубленку. Охлопал карманы в поисках шарфа. Кончик шарфа торчал из надетого рукава. Беата вытащила его, заботливо накинула на шею, оправила, застегнула полушубок. От нее веяло теплотой и сочувствием.

– Будто ребенка на прогулку, – тоскливо усмехнулся Гулевский.

В дверях замешкался:

– Я ведь так и не спросил тебя о семье. Ну да как-нибудь.

– Как-нибудь, – согласилась она.

Едва таинственный визитер ушел, в кабинет заглянула истомившаяся диспетчерша.

Энергичная Беата Станисловна с прикрытыми глазами откинулась в кресле. На чистом, на зависть девчонкам, лице ее блуждала тень – быть может, от солнечного лучика, просочившегося сквозь тяжелые шторы.

– Что на сей раз, Нелли? – не открывая глаз, произнесла

она. Догадалась. – Ладно, работайте пока.

Беата открыла глаза и будто заново увидела вспыхнувшую от радости молодую женщину.

– До следующего случая, – не удержалась она.

– Обещаю, – Нелли с чувством приложила руки к груди.

– Кстати, Нелли, – нагнал ее голос управляющей. – Позвольте – без посторонних. По-моему, у вас на лице чрезмерно много косметики.

– Как и у вас. – Нелли обиделась.

– Да, как у меня. – Беата сдержала улыбку. – Только я крашу лицо, чтоб скрыть морщины. Если б у меня сохранился такой роскошный румянец, я б весь макияж с наслаждением выбросила на помойку.

Нелли, старавшаяся во всем подражать Серебрянской, хотела огрызнуться. Но пригляделась к непривычно умиротворенной начальнице и, не пререкаясь, тихонько вышла.

«Ты все та же!» – вспоминала Беата слова Ильи и радовалась, что поддалась на уговоры дочери и сделала подтяжки под глазами.

А Гулевский шел по дорожке в сторону метро с блуждающей на губах улыбкой. И решительно не понимал, как мог просуществовать столько лет без звуков этого теплого колокольчика.

На следующий день Гулевский вышел на работу. Добраться по коридорам Академии до кафедры оказалось нелегким испытанием. Встречные, завидев его, стирали с лиц живое выражение и смотрели большими глазами, в разговоре сочувственно сбавляли голос. У женщин обильно выступали слезы. И оттого Гулевскому делалось многократно хуже, будто то и дело задевали ноющую заусеницу, не давая ей подсохнуть.

Лишь на кафедре удалось затвориться ото всех. Сотрудники не отвлекали, – Арлетта перехватывала визитеров в коридоре. То и дело доносился ее сдавленный, будто возле палаты тяжелобольного, голосок.

Хуже то, что уединение, так им любимое, не шло на пользу. Попробовал дописать статью, обещанную в академический сборник, – «Позитивная ответственность в уголовном праве». Статья была написана на две трети. И не закончил ее лишь потому, что случилось несчастье с Костей. Помнилось, что писалось удивительно легко, формулировки лились из-под пера свободно, без усилия. Да и как не литься, если основные положения многожды и основательно продуманы. Но теперь, вернувшись к ней, убедился, что не в состоянии сформулировать ни одной новой идеи. Да что идеи? Фразы выходили корявые, кондовые. Попробовал для разгона пере-

читать написанное ранее – будто писал другой человек. Хотя почему «будто»? Две недели назад он и впрямь был другим. А этот, новый, что поселился в нем, никак не мог взять в толк, для чего вообще нужно писать подобные заумные, далекие от практических нужд опусы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.